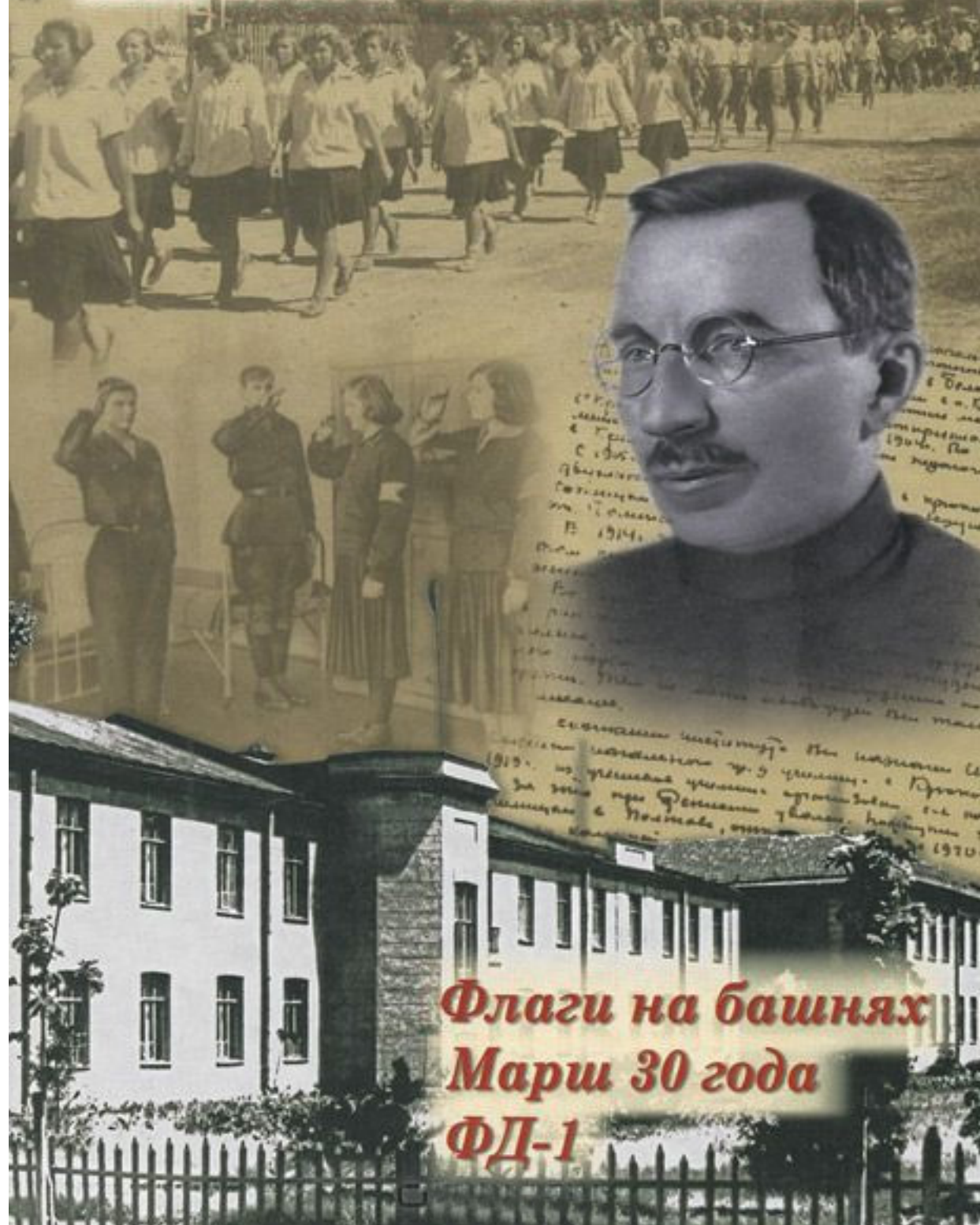

А.С. МАКАРЕНКО

Педагогические поэмы

Антон Макаренко

Педагогические поэмы. «Флаги на башнях», «Марш 30 года», «ФД-1»

«ИТРК»

2013

Макаренко А. С.

Педагогические поэмы. «Флаги на башнях», «Марш 30 года»,
«ФД-1» / А. С. Макаренко — «ИТРК», 2013

ISBN 978-5-88010-305-8

В настоящее издание включены художественно-педагогические произведения автора, отражающие его взгляды на проблемы социума, на формирование социально зрелой личности, а также побуждающие читателей следовать социально одобряемым моделям поведения. Произведения А. С. Макаренко неоднократно издавались с 1934 года, были переведены на многие языки народов мира. Составителем – доктором педагогических наук С. С. Невской, которая принимала участие в издании восьмитомного собрания сочинений автора, вышедшего еще в 1985 году, – внесены дополнения в ранее опубликованные работы автора на основе архивных материалов и исследований, и в полном объеме настоящее издание выпускается впервые. * * * Свидетельством международного признания А. С. Макаренко стало известное решение ЮНЕСКО (1988), касающееся всего четырех педагогов, определивших способ педагогического мышления в XX веке. Это – Джон Дьюи, Георг Кершенштейнер, Мария Монтессори и Антон Макаренко.

ISBN 978-5-88010-305-8

© Макаренко А. С., 2013

© ИТРК, 2013

Содержание

От составителя	6
История создания педагогических поэм А. С. Макаренко: «Флаги на башнях», «Марш 30 года», «ФД-1»	6
Флаги на башнях	26
Часть первая	28
1	28
2	31
3	32
4	35
5	36
6	38
7	42
8	45
9	48
10	52
11	55
12	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Антон Семенович Макаренко

Педагогические поэмы: «Флаги на башнях», «Марш 30 года», «ФД-1»

К 125-летию со дня рождения Антона Семеновича Макаренко

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)»

© С. С. Невская, составление, вступительная статья, примечания, 2013

© Издательство ИТРК, 2013

* * *

От составителя

История создания педагогических поэм А. С. Макаренко: «Флаги на башнях», «Марш 30 года», «ФД-1»

Историю создания гордого и красивого детско-взрослого воспитательного трудового коллектива А. С. Макаренко раскрыл в «Педагогической поэме», а его триумф и высшую стадию развития изобразил в последнем своем произведении «Флаги на башнях». Эта последняя педагогическая эпопея впервые увидела свет при жизни педагога-писателя. Как роман (!) «Флаги на башнях» был опубликован по частям в 6–8 номерах журнала «Красная новь» за 1938 год.

Недоброжелательные к А. С. Макаренко и его творчеству критики неодобрительно восприняли этот роман. В этом же году книга готовится к отдельному изданию и выходит в свет сразу после смерти автора. В дальнейшем переиздаваться будет именно это отдельное издание и, к сожалению, с новыми редакторскими правками.

Редактор повести «Флагов на башнях» Ю. Лукин во вступительном слове к книге писал: «Антон Семенович Макаренко закончил редактирование текста романа для отдельного издания и написал вступительную главу ко второй части в самом конце марта». Речь идет о главе «Не может быть!». Глава усиливает полемическую заостренность произведения, хлестко бьет по бессмысленным и абсурдным попыткам псевдопедагогов взять под сомнение научно-педагогическую значимость произведения и их аргументацию – «не может быть».

Таким образом, А. С. Макаренко идет на уступки редакции (и критики!): роман превращается в повесть, сокращаются многие фрагменты текста, для второй части пишется новая первая глава «Не может быть!», в третьей части исчезает лирическая глава «На всю жизнь», изменяется тональность описания героев, уничтожаются все ласковые эпитеты, характеризующие колонистов.

О новой главе «Не может быть!» следует сказать особо. В ней А. С. Макаренко (он же персонаж Захаров) высказывает мысль, «что воспитание нового человека – дело счастливое и посильное для педагогики», «что „испорченный ребенок“ – фетиш педагогов-неудачников», но «это больше всего раздражало любителей старого (...) Старое – страшно живучая вещь. Старое пролезает во все щели нашей жизни и очень часто настолько осторожно, умненько выглядывает из этих щелей, что не всякий его заметит. Нет такого положения, к которому старое не сумело бы приспособиться. Казалось бы, что может быть священнее детской радости и детского роста? И все это утверждают, и все исповедуют, но...»¹. А далее автор ставит отточия.

Это был своеобразный ответ литературным критикам, отозвавшимся на публикацию «Флагов» в журнале «Красная новь» (А. Флит «А. Макаренко. Дети в сиропе: Фрагменты „медового романа“»², рецензия А. Рагозина «Флаги на башнях»³, статья М. Лоскутова «Два писателя»⁴ и др.). Авторы критических статей не верили тому, что идеальный детский коллектив и идеальные отношения в нем возможны. Возьмем, к примеру, высказывание Лоскутова из его статьи «Два писателя»: «Нужно отдать справедливость – мастерство автора «сделало» книгу и держит ее довольно продолжительное время в высокой температуре напряженного читательского интереса, создавая впечатление, что автор «доказал» книгу. Но эта температура

---

¹ Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: Л. Ю. Гордин, А. А. Фролов, М. Д. Виноградова. Т.6 – М.: Педагогика, 1983. С.101.

² Литературный современник, 1938, № 12. С.226–227.

³ Литературное обозрение, 1939, № 1. С. 9–14.

⁴ См.: Литературная газета, 1938 г., 15 декабря.

нагнетается чисто литературными калориферами. В чудесном саду колонии, созданном автором, щелкают искусственные соловьи. Некоторое время читатель бродит по этому саду, плененный и растроганный красотой пейзажа, чистотой атмосферы, благородством человеческих отношений; здесь родимые пятна капитализма в сознании людей растворяются почти автоматически, в чудесной непреодолимой среде, созданной силой человеческого коллектива. И в этом – ценность, ибо: это книга – творческое перевоплощение некоей авторской мечты, – вид литературного произведения, несомненно, имеющий право на существование».

За что только не ругали А. С. Макаренко: за надуманность и фальшь, утопию, за повествование от третьего лица и т. п.

Существует версия, что будто бы И. В. Сталин, давая согласие на награждение А. С. Макаренко орденом Трудового Красного Знамени (начало 1939 года), сказал: «Пусть пишет свои сказки!»

А. С. Макаренко должен был «отбиваться», выступая публично на диспутах, а также в печати по поводу необоснованной критики «Флагов». Так, в открытом письме Ф. Левину, адресованному в редакцию журнала «Литературный критик», он писал:

«В статье своей Вы вспоминаете: „Наша критика, и автор этих строк в том числе, приветствовали появление «Педагогической поэмы»“.

Давайте уточним. Вы и другие критики „приветствовали“ мою первую книгу... через 2–3 года после ее появления. Между прочим, в вашей статье было и такое выражение:

„...Материал, *столь несовершенный* по своему художественному мастерству...“. Теперь Вы выступили со статьей по поводу „Флагов на башнях“. В этой статье, даже не приступив к разбору мой повести, Вы более или менее деликатно припоминаете, что „некоторые молодые авторы плохо учатся и плохо растут (...)“

Одним словом, Вы продолжаете свою линию, намеченную еще в 1936 г. – линию исключения меня из литературы.

(...) В моей повести „Флаги на башнях“ Вы указываете, собственно говоря, один порок, но чрезвычайно крупный: повесть – это „сказка, рассказанная добрым дядей Макаренко“. Все в ней прикрашено, разбавлено розовой водой, подправлено патокой и сахаринром, все это способно «привести в умиление и священный восторг самую закоренелую классную даму института благородных девиц (...)»

...Вас это страшно возмущает. Вы не допускаете мысли, что такая счастливая детская жизнь возможна в Советском Союзе. Вы думаете, что рассказанное мною – сказка (Лоскутов в „Литературной газете“ думает, что это моя мечта).

...«Флаги на башнях» – это не сказка и не мечта, это наша действительность. В повести нет ни одной выдуманной ситуации, очень мало сведенных образов, нет ни одного пятна искусственно созданного колорита»⁵.

Как отмечено выше, во время подготовки «Флагов на башнях» к новому изданию Антон Семенович сокращает отдельные эпизоды, делает перестановку нескольких глав, объединяет четыре главы в две в первой части, доведя их до тридцати и т. д. Это свидетельствует о том, что к критическим замечаниям своих оппонентов Антон Семенович отнесся со всей серьезностью. В письме редактору «Литературной газеты» Ольге Сергеевне Войтинской А. С. Макаренко пишет:

«Прошу Вас передать т. Мих. Лоскутову мою горячую благодарность за благородный товарищеский тон его статьи „Два писателя“. После заушательства т. Бойма этот тон особенно для меня приятен.

Это вовсе не значит, что я во всем согласен со статьей т. М. Лоскутова. Между прочим, и в романе „Флаги на башнях“ вовсе не отразилась моя мечта. Все описанное в романе есть

---

⁵ Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. Т.7. С. 204–205.

настоящая советская действительность, почти без выдумки. Как видите, в этом случае повторяется анекдот, известный по главному своему выражению: „не может быть“. Но это, конечно, категория не литературного порядка»⁶.

Итак, новая глава «Не может быть!» – ответ автора критикам. Глава начинается словами: «Колония им. Первого мая заканчивает седьмой год своего существования, но коллектив, собравшийся в ней, был гораздо старше. Его история началась довольно давно, на второй день после Октября, в другом месте, в совершенно ином антураже, среди полей и хуторов старой полтавской степи»⁷. А. С. Макаренко подтверждает документальность событий, описанных в произведении, которые проходили в начале 1930-х годов в коммуне Ф. Э. Дзержинского – в годы ее наивысшего рассвета.

* * *

Сохранившиеся архивные материалы, личная переписка, рукописи А. С. Макаренко позволяют наиболее полно раскрыть историю создания «Флагов на башнях». В «Флагах» повествуется о триумфальном этапе истории славного коллектива, изображенного в «Педагогической поэме».

В 1932–1935 гг. Антон Семенович работает над второй и третьей частями «Педагогической поэмы», первая часть которой с 1933–1934 гг. уже печатается в горьковском альманахе. В письме А. М. Горькому от 26 января 1935 г. он пишет: «Начал третью часть „Педагогической поэмы“, которую надеюсь представить к альманаху седьмому»⁸. Через восемь месяцев (28 сентября) Антон Семенович сообщает Алексею Максимовичу: «Большая и непривычная для меня работа „Педагогическая поэма“ окончена. Не нахожу слов и не соберу чувств, чтобы благодарить Вас, потому что вся эта книга исключительно дело Вашего внимания и любви к людям. Без Вашего нажима и прямо невиданной энергии помощи я никогда этой книжки не написал бы»⁹.

В ответном письме А. М. Горький поздравил Антона Семеновича с окончанием работы: «Дорогой Антон Семенович, третья часть „Поэмы“ кажется мне еще более ценной, чем первые две. С большим волнением читал сцену встречи горьковцев с куряжанами, да и вообще очень многое дьявольски волновало... Хорошую Вы себе „душу“ нажили, отлично, умело она любит и ненавидит»¹⁰.

Следует признать, что помощь А. М. Горького в издании «Поэмы» была поистине бесценной. С выходом книги А. С. Макаренко стал самым читаемым и популярным автором в стране и за рубежом. Издается отдельное издание «Поэмы», готовятся ее переводы на украинский и английский языки.

Смерть А. М. Горького 18 июня 1936 года стала огромной утратой для А. С. Макаренко. Он пишет воспоминания: «Максим Горький в моей жизни» (альманах «Год XIX», кн. 10, 1936), «Мой первый учитель», «Большое горе». Последние две работы опубликованы на украинском языке в том же 1936 году. Дорогие ему письма Алексея Максимовича А. С. Макаренко передает в архив.

Зимой 1937 года А. С. Макаренко переезжает с семьей в Москву. В члены Союза писателей Антон Семенович был принят еще в 1934 году. Теперь же он сотрудник ССП. Работа для него новая, вдали от коммунаров. В Москве он делает первые наброски новой книги о

---

⁶ Там же. С. 200.

⁷ Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. Т.6. С. 98.

⁸ Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. Т. 1. С.262.

⁹ Там же. С. 265.

¹⁰ Там же. С.266.

коммунарах. Задумка была проста: продолжить историю горьковского коллектива, прекрасно описанную в «Педагогической поэме», раскрыть историю жизни этого коллектива в условиях серьезного производства коммуны им. Ф. Э. Дзержинского. Было придумано и условное название «Ворошиловцы». 29–30 апреля 1937 г. Антон Семенович составляет обширный список действующих лиц, делает наброски сюжета, отмечает дату и место, где написан тот или иной материал. Так мы узнаем, что в марте-апреле 1938 г. в Малеевке, затем в Москве он работает над общим планом книги, набрасывает эпизоды первой части.

8 это же время А. С. Макаренко пишет сценарий, в котором развивается тема «Ворошиловцев». Сохранилась рукопись, озаглавленная «Колонисты. Роман». Указано время работы над рукописью: 8 января – 18 марта 1938 г. Здесь впервые появляется будущее название книги «Флаги на башнях», но оно является лишь наименованием одной из глав. В архиве хранится машинопись, названная «Флаги на башнях. Роман». В двух машинописных вариантах сохранилась глава «Не может быть!». В конце машинописи указана дата: «Москва-Ялта, 1938 г.». В начале апреля 1938 г. была написана первая часть «Флагов на башнях», в начале мая – вторая, а третья часть была начата в мае и завершена в середине июня в Ялте.

В Ялте произошла встреча А. С. Макаренко с кинорежиссером и сценаристом М. А. Барской. Завязалась крепкая дружба. Они вместе работали над сценарием «Флаги на башнях» для художественного фильма, но этим планам не суждено было осуществиться. Два талантливых человека ушли из жизни в 1939 году.

Следует провести параллель между очерком «Марш 30 года», повестью «ФД-1» (не изданной при жизни автора и частично потерянной), пьесой «Мажор» и «Флагами на башнях».

«Марш 30 года» А. С. Макаренко начал писать осенью 1930 года. В 1932 г. при поддержке А. М. Горького очерк был опубликован в государственном издательстве «Художественная литература». В очерке раскрывается история коммуны им. Ф. Э. Дзержинского с 1927 по 1930-е годы.

В марте-апреле 1932 г. в Москве в гостинице «Маяк» во время своего отпуска Антон Семенович написал повесть «ФД-1». Рукопись он сдал в ГИХЛ осенью 1932 г. Хронологически «ФД-1» продолжила события, изображенные в «Марше 30 года», охватив 1931–1932 гг., когда произошел пуск завода электроинструмента в коммуне.

Над пьесой «Мажор» Антон Семенович работал в 1932–1933 годы.

История написания первого драматургического произведения чрезвычайно интересна. Первый вариант пьесы был написан зимой 1932–1933 года, но в летнем походе 1932 года рукопись была похищена. 19 августа 1933 года А. С. Макаренко пишет Г. С. Салько, с которой он состоит в гражданском браке (в 1935 г. брак был зарегистрирован), что хлопочет об отпуске в сентябре. И добавляет: «Настроение у меня сейчас боевое, хотя и напряженное. В Москве хочу обязательно восстановить пьесу, но я думаю, что и отдохнуть успею. Всякая работа вне коммуны будет уже отдыхом». В следующем письме от 22 августа он пишет: «Для того чтобы вырваться в отпуск в первых числах сентября, мне нужно проделать страшную работу: все это очень неповоротливые дела – выпуск, прием новых, пуск рабфака. Я работаю, как маховик, и много писать и тебе не буду, не обижайся, пожалуйста»¹¹.

8 сентября А. С. Макаренко уже был в Москве. Этот отпуск изменил всю дальнейшую жизнь педагога-писателя. Здесь состоялась встреча с А. М. Горьким. В этот день в письме Г. С. Салько он сообщает: «Завтра начинаю действовать. Прежде всего, иду к Горькому. Он интересен в двух отношениях: квартира и работа в издательстве. Есть, правда, еще и третье отношение, но не знаю, стоит ли за это браться. Кононенко взял у меня прочитать „Горьковскую коло-

¹¹ Ты научила меня плакать... (переписка А. С. Макаренко с женой. 1927–1939). В 2-х томах /Составление и комментарии Г. Хиллига и С. Невской. Т.2. – М.: Издательский центр «Витязь», 1994. (Серия «Неизвестный Макаренко»). С. 194, 195.

нию“ и прибежал ко мне на другой день в восторге. Все ему нравится, и в особенности язык»¹². «Горьковская колония», «Горьковская история» – это первоначальное название «Педагогической поэмы». Рукопись первой части, написанную еще в 1925 году, Антон Семенович взял в Москву. В письме Г. С. Салько от 19 сентября он сообщает: «Сегодня целый день сижу над Горьковской. Очень жаль, что не могу завтра отнести А. М. все, а придется показать только несколько глав, и то не самые лучшие. Я так напуган неудачей с «ФД-1», что очень мало верю в успех этой книги, но все же работа над нею страшно приятна и вполне заменит мне отдых. Если бы еще скорее дело устроивалось с нашим переездом, я, наверное, мог бы писать лучше»¹³.

Следует сказать, что сын Г. С. Салько Лева, которого Антон Семенович считал своим приемным сыном и заботился о нем, с 14 лет являлся коммунарком. В 1933 году вместе с другими коммунарами он поступает в МАИ – Московский авиационный институт. Из письма Антона Семеновича от 26 августа к Г. С. Салько узнаем: «Об уходе официально ничего не говорю – из Москвы будет видно, а то еще и не найдем в Москве квартиры, куда денешься... Лева уезжает завтра, вместе с ним поступили: Илюшечкин, Буряк, Терентюк, Бронфельд, Файнергольд»¹⁴.

В письме с сыну в Москву от 19 августа 1933 года Галина Стахивна сообщает новость: «Итак, мы в Москве. Это дело решенное – раз уж ты там, там и мы. Молодец, Лева, переехал в Москву – и все»¹⁵.

Следует сказать что накануне (10 августа 1933 г.) А. М. Горький писал Антону Семеновичу: «... Не отвечал Вам, ожидая, когда получу возможность ответить конкретным предложением. Но покамест еще не вижу этой возможности и пишу только для того, чтоб Вы знали: письмо Ваше получено мною и о Вашем переводе в Москву я – забочусь»¹⁶.

Это был второй ответ (первый – 30 января) А. М. Горького на письмо Антона Семеновича, отправленного педагогом еще 1 января 1933 года. Об этом письме Макаренко следует сказать особо. Педагог сообщал о тяжелом положении куряжской колонии:

«В прошлом году дзержинцы поставили вопрос об объединении с Куряжем в „дивизию“, но начальство не согласилось. Колония живет плохо, после меня переменялось уже четыре заведующих, глупости там наделали непоправимые, коллектива нет, проходной двор... Там нужна большая работа, все нужно сначала. А если сначала, так лучше уже на новом месте. Ваше имя в Куряже нужно снять»¹⁷.

И в этом же письме Антон Семенович благодарит за высокую оценку «Марша 30 года»:

«Ваш отзыв перепутал все мои представления о собственных силах, теперь уже не знаю, что будет дальше. Впрочем, к писательской работе меня привлекает одно – мне кажется, что в нашей литературе (новой) о молодежи не пишут правдиво, а я очень хорошо знаю, какая это прелесть – молодежь, нужно об этой прелесть рассказывать. Но это очень трудно, для этого нужен талант и еще... время. У меня как будто не было ни того, ни другого. Пишу сразу в чистовку, получается неряшливо, а через каждые две строчки меня „пацаны“ отрывают, писать приходится все в том же „кабинете“.

Поэтому все, что я написал, меня смущало. Сейчас в ГИХЛе лежит моя рукопись „ФД-1“ из истории последних лет коммуны Дзержинского. В редакции относятся к ней очень сдержанно, наверное, она будет издаваться тоже два года, как „М. 30 г.“. А самая дорогая для меня

---

¹² Там же. С. 200.

¹³ Там же. С. 208.

¹⁴ Там же. С. 196.

¹⁵ «Береги себя!!!» Переписка Г. С. и А. С. Макаренко с сыном (1927–1939 гг.) // Составители С. Невская, Г. Хиллиг. – Марбург, 2001. С. 40.

¹⁶ Переписка А. С. Макаренко с М. Горьким // Под ред. Г. Хиллига, при участии С. Невской. – Марбург, 1990. С. 76.

¹⁷ Там же. С. 74–75.

книга, давно законченная, „Горьковцы“, листов на 20, лежит у меня в столе, там слишком много правды рассказано, и я боюсь.

Есть у меня и пьеса. Даже стыдно писать Вам о таком обилии.

Недавно я писал Вам в Москву, наверное, Вы не получили моего письма. В нем я писал и о колонии в Куряже. В московских газетах было сообщение об открытии образцовой колонии им. М. Горького. Я просил Вас поручить эту колонию нам, „горьковцам“. На это дело пошли бы лучшие ребята, выпущенные из колонии в Куряже, теперь педагоги, инженеры, врачи»¹⁸.

Итак, это был ответ Антона Семеновича на письмо писателя от 17 декабря 1932 года. В своем письме А. М. Горький поздравил А. С. Макаренко с выходом книги «Марш 30 года», которая, как и «ФД-1», была написана до появления рукописи второй и третьей частей «Педагогической поэмы». «Читал – с волнением и радостью, – писал А. М. Горький о книге. – Вы очень хорошо изобразили коммуны и коммунаров. На каждой странице чувствуешь Вашу любовь к ребятам, непрерывную Вашу заботу о них и такое тонкое понимание детской души. Я вас искренне поздравляю с этой книгой. Вероятно, немножко напишу о ней»¹⁹.

21 сентября 1933 г. Антон Семенович сообщает Г. С. Салько о встрече с А. М. Горьким:

«Он по-прежнему ласков и высококультурен, но пользы от этого мало. У меня такое впечатление, что он забыл об обещании своего собственного письма „перевести меня в Москву“, а то еще хуже: мне серьезно приходит в голову, что кто(-то) его отговорил помогать мне в этом деле. Очень может быть, что наши письма недаром кем-то читались»²⁰.

Антон Семенович не покидает тревога, он сомневается в успехе: «Когда отдал Максиму „Педагогическую поэму“, и к ней у меня отношение стало безразличное. Почему-то уверен, что она ему не понравится. Он будет искать в ней методики (...) Я очень пожалел, что выбросил из поэмы все педагогические главы, может быть, на них и завоевал бы одобрение»²¹.

Однако опасения А. С. Макаренко были напрасны. Максим Горький не только высоко оценил «Поэму», но организовал ее издание, редактировал рукопись, стимулировал Антона Семеновича на скорейшее написание второй и третьей частей.

В письме Г. С. Салько от 26 сентября Антон Семенович сообщает: «Сiju и звоню Горькому, как мы с ним условились. (...) Дозвонился. Самого нет – в деревне. Отвечает Крючков – буквально: „А. М. передал мне рукопись, которую он прочитал, и письмо для вас. Письмо я сейчас приказываю переписать и завтра передам вам. Завтра заходите к часу дня“.

Ну, я так и знал. Если бы книга ему понравилась, наверное, просто назначил бы мне свидание, а раз дело ограничивается письмом, значит можно, собственно говоря, и не заходить. Не понимаю только, для чего еще переписывать письмо»²².

Но Антон Семенович ошибся. 26 сентября он сообщает Галине Стахивевне:

«Сегодня у меня счастливый день. От Горького получил рукопись и такое письмо:

„Дорогой Антон Семенович – на мой взгляд «Поэма» очень удалась Вам. Не говоря о значении ее «сюжета», об интереснейшем материале, Вы сумели весьма удачно разработать этот материал и нашли верный, живой, искренний тон рассказа, в котором юмор Ваш уместен, как нельзя более. Мне кажется, что рукопись не требует серьезной правки, только нужно указать постепенность количественного роста колонистов, а то о командирах говорится много, но армии не видно.

---

¹⁸ Там же. С. 73–74. В письме речь идет о пьесе «Мажор», которая летом 1933 года во время похода будет потеряна навсегда.

¹⁹ Там же. С. 74–75.

²⁰ Ты научила меня плакать... (переписка А. С. Макаренко с женой. 1927–1939). В 2-х томах / Составление и комментарии Г. Хиллига и С. Невской. Т.2. – М.: Издательский центр «Витязь», 1994. (Серия «Неизвестный Макаренко»). С. 209.

²¹ Там же. С. 210.

²² Там же. С. 218.

Рукопись нужно издавать. Много ли еще написано у Вас? Нельзя ли первую часть закончить решением переезда в Куряж.

М. Горький“.

Петру Петровичу Крючкову поручено устроить издание книги в „Советской литературе“. Мы уговорились с ним, что дней через 15 я ему принесу готовую первую часть.

Вообще это хорошо во всех отношениях.

Сейчас я усаживаюсь за окончание первой части и планирование второй. Понимаю, почему Горькому хочется, чтобы первую часть окончить решением переехать в Куряж. Очевидно, хочет заинтересовать публику с тем, чтобы она с некоторым нетерпением ожидала второй части или, по крайней мере, чтобы вторая часть сама собою подразумевалась.

Для того, чтобы исполнить его желание, придется сделать в первой части больше глав, чем я предполагал, и кое-какие главы перенести из первой части во вторую, чтобы не делать ее слишком куцой»²³.

И еще интересный факт. В письме Антона Семеновича к Г. С. Салько от 29 сентября 1933 г. узнаем следующее:

«Сегодня заходил к Гихл. Говорил с ними на всякий случай об издании „Педагогической поэмы“. Прочитавши письмо Горького, они стали гораздо любезнее и готовы через 10 дней после представления рукописи подписать договор. За печатный лист предлагают 350–400 рублей.

Это только разведка. В Гихл уже потому отдавать не хочется, что за „Марш 30 года“ они мне передали несколько сот рублей, и теперь, конечно, будут выворачивать. Попытаюсь, все-таки пойти еще в „Советскую Литературу“. Да и считаю, что 400 рублей за лист мало»²⁴.

Однако вернемся к пьесе «Мажор». В письме к А. М. Горькому от 26 января 1935 г. Антон Семенович напоминает об их встрече весной 1934 года и о том, что передал пьесу «Мажор, «которая перед тем побывала на конкурсе Совнаркома и удостоилась даже рекомендации». Пьесу одобрили, предложили кое-что исправить и передать для печати в гос. издательство «Художественная литература» (ГИХЛ). Но о ней речь пойдет позже. Успех, пишет Антон Семенович, окрылил его и он написал еще одну пьесу «Ньютоновы кольца». Новую пьесу он посылает А. М. Горькому и приблизительно 8 февраля этого года получает назидательный ответ:

«На мой взгляд, „Ньютоновы кольца“ пьеса интересная и может быть разыграна очень весело, если за нее возьмутся молодые артисты... Но я уверен, что любой режиссер скажет Вам: пьеса – растянута и требует солидных сокращений „по всей длине“ ее текста.

(...) Сударь мой! Мне очень хочется обругать Вас. Вам бы следовало сначала довести до конца „Педагогическую поэму“, а потом уже писать пьесы. А Вы, по примеру литературных юношей, взялись за одно дело и не кончив его, начинаете другое. Первое дело от этого – весьма страдает, а оно – важнее пьес. Значительно важнее!

Ну вот, обругал. Легче мне стало? Увы, нет!»²⁵

В конце февраля А. М. Горький получает ответ:

«Дорогой Алексей Максимович!

Ругаете Вы меня или помогаете, а я все равно не умею так написать Вам, чтобы хотя бы на минутку Вы почувствовали всю глубину и теплоту моей благодарности и любви к Вам. (...)

Спасибо, что обругали. Это у Вас так сильно и ласково выходит, что мне может позавидовать любой мой воспитанник. Секрет педагогического воздействия таким образом еще и до

---

²³ Там же. С. 220.

²⁴ Там же. С. 222.

²⁵ Переписка А. С. Макаренко с М. Горьким // Под ред. Г. Хиллига, при участии С. Невской. – Марбург, 1990. С.90.

сих пор для меня проблема. Во всяком случае после Вашей проборки мне хочется написать не третью часть „Педагогической поэмы“, а третью часть чего-то страшно грандиозного.

Это, однако, не мешает „жалкому лепету оправдания“. „Педагогическая поэма“ – это поэма всей моей жизни, которая хоть и слабо отражается в моем рассказе, тем не менее представляется чем-то „священным“. Я не могу писать поэму в сутолоке моей работы в коммуне. Для поэмы мне нужен свободный вечер или какое-то уединение. А пьесы я набрасываю в коммунарском кабинете в трехминутных перерывах между деловыми разговорами, выговорами, заседаниями, удовлетворяя писательский зуд, который так поздно у меня разгорелся в значительной мере благодаря Вашему ко мне вниманию. (...) Поэтому даю Вам слово не писать ничего, пока не окончу „Педагогическую поэму“, кстати, конец уже недалеко.

А после „Педагогической поэмы“ я мечтаю не о пьесах, а о таком большом деле: (...) Я хочу написать большую, очень большую работу, серьезную книгу о советском воспитании. (...) Не знаю, как сказать, как благодарить Вас за то, что прочитали „Ньютоновы кольца“. Совесть мучит меня, что я затруднил Вас этой работой, но утешаюсь тем, что в „Ньютоновых кольцах“ тема тоже педагогическая. Ведь теперь перевоспитываются не только дети. В пьесе я и хотел захватить кусочек великого процесса перевоспитания, только выражая его не в „небывалых чудесах“, а в простой „химии“»(...)»²⁶.

28 сентября 1935 года А. С. Макаренко авиапочтой посылает А. М. Горькому третью часть «Поэмы». В сопроводительном письме он пишет:

«Не знаю, конечно, какой она получилась, но писал ее с большим волнением.

Как Вы пожелали в Вашем письме по поводу второй части, я усилил все темы педагогического расхождения с Наркомпросом, это прибавило к основной теме много перцу, но главный оптимистически тон я сохранил.

Описать Ваше пребывание в Кураже я не решился, это значило бы описывать Вас, для этого у меня не хватило совершенно необходимого для этого дела профессионального нахальства. Как и мои колонисты, я люблю Вас слишком застенчиво.

Третью часть пришлось писать в тяжелых условиях, меня перевели в Киев помощником начальника Отдела трудовых колоний НКВД, обстоятельства переезда и новой работы – очень плохие условия для писания, в сутки оставалось не более трех свободных часов, а свободной души ничего не оставалось.

Работа у меня сейчас бюрократическая, для меня непривычная и неприятная, по хлопцам скучаю страшно. Меня вырвали из коммуны в июне, даже не попрощался с ребятами.

Дорогой Алексей Максимович!

Большая и непривычная для меня работа „Педагогическая поэма“ окончена. Не нахожу слов и не собираю чувств, чтобы благодарить Вас, потому что вся эта книга исключительно дело Вашего внимания и любви к людям. Без Вашего нажима и прямо невиданной энергии помощи я никогда этой книжки не написал бы. (...) В случае надобности, я думаю, можно выбросить главы „У подошвы Олимпа“ и „Помогите мальчику“»²⁷.

В это время А. М. Горький находился в Тессели, о чем А. С. Макаренко не знал. Но Алексею Максимовичу переслали рукопись, и приблизительно 8 октября 1935 года он информирует А. С. Макаренко:

«Дорогой Антон Семенович!

Третья часть „Поэмы“ кажется мне еще более ценной, чем первые две.

С большим волнением читал сцену встречи горьковцев с куражанами, да и вообще очень многое дьявольски волновало. „Соцвосовцев“ Вы изобразили так, как и следует, главы „У подошвы Олимпа“ и „Помогите мальчику“ – нельзя исключить.

---

²⁶ Там же. С. 91–92.

²⁷ Там же. С. 94–95.

Хорошую Вы себе „душу“ нажили, отлично, умело она любит и ненавидит. Я сделал в рукописи кое-какие мелкие поправки и отправил ее в Москву»²⁸.

Итак, «Марш 30 года», «ФД-1», главы «Педагогической поэмы», пьеса «Мажор» были написаны в годы работы А. С. Макаренко в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского. Именно здесь рождались эти «педагогические поэмы». Материал для написания книг был перед глазами. Завершающим этапом создания «поэм» стала книга «Флаги на башнях».

Напомним, что при жизни А. С. Макаренко вышла в свет только одна его пьеса – «Мажор». Она была направлена на «Всероссийский конкурс на лучшую пьесу». В жюри конкурса входили нарком просвещения А. Бубнов, писатель А. Толстой, режиссер В. Мейерхольд. Пьеса была рекомендована к печати. В 4-м номере журнала «Театр и драматургия» за 1934 г. было отмечено, что в результате конкурса появились новые имена и новые произведения. Была отмечена пьеса «Мажор». Пьеса была опубликована в ГИХЛ в 1935 г. Антон Семенович скрывался под псевдонимом Андрей Гальченко.

События пьесы «Мажор» разворачиваются в 1931 году, когда коммунары приступили к работе на заводе электроинструмента. «Флаги на башнях» освещают жизнь коммуны именно с этого события, то есть после истории, описанной в «Марше 30 года».

Из переписки с А. М. Горьким ясно, что в издательстве долгое время «пролежала» еще одна повесть А. С. Макаренко – «ФД-1», которая так и не была опубликована при жизни Антона Семеновича. Известно также, что повесть эту А. С. Макаренко писал во время отпуска в марте-апреле, который он проводил по обыкновению в Москве – столице его вдохновляла. Жил он в гостинице «Маяк». По свидетельству Г. С. Салько (Макаренко), печатал текст на машинке в трех экземплярах. Рукопись частично была уничтожена самим Антоном Семеновичем. После смерти педагога-писателя Галина Стахивна сумела соединить уцелевшие страницы, но полностью повесть так и не удалось восстановить. Во «Флагах на башнях» были использованы эпизоды из «ФД-1».

История создания «Флагов» неразрывно связана с личностью и творчеством А. С. Макаренко, с его исканиями, с его напряженной жизнью, которую он полностью посвятил воспитанию Человека!

Из личной переписки Антона Семеновича известно, что жизнь его с марта 1937 года в Москве была столь же напряженной, как и в Киеве, что не хватало общения с коммунарами, с близкими людьми, ему было одиноко. В письме от 6 мая 1937 года бывшему воспитаннику А. С. Сватко он с грустью признается:

«Спасибо, что вспомнил обо мне, теперь мало кто обо мне вспоминает, не пишет никто, кроме Федоренко да Конисевича, все остальные забыли.

Я тебя очень прошу хоть изредка писать мне, держать в курсе дела, как о Броварах, так и о „дзержинцах“ – хлопцах и девчатах.

Конисевич мне сам написал о своих успехах, но письмо долго за мной ходило, я не знаю, получил ли он мой ответ. Если знаешь его адрес, пожалуйста, напиши мне. Если что-нибудь знаешь о судьбе других хлопцев, и их адреса сообщи. Особенно прошу о последних дзержинцах»²⁹.

В письме от 1 июля 1937 г. бывшему воспитаннику-горьковцу Н. Ф. Шершневу, который по окончании медицинского института работал врачом в коммуне, Антон Семенович пишет:

«Спасибо, что ты героически написал мне, не ожидая моего ответа (...) В твоём письме на первом месте стоит слово „грусть“, одно из самых отвратительных человеческих слов. Такое же противное еще слово „тоска“. Я не люблю их за то, что они в сущности слова фиктивные. Я понимаю такую штуку, как горе, ненависть, отчаяние. Это очень серьезные штуки, и с ними

---

²⁸ Там же. С. 95.

²⁹ Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. Т.8. С.70–71.

не позорно повозиться. Но, скажи, пожалуйста, что такое грусть? Не могу связать это слово с тобой, человеком молодым, сильным, здоровым, красивым, умным. Да и стоишь ты на интересном рабочем месте организатора – самое лучшее, что можно предложить человеку. (...) Я вспоминаю сейчас свое горьковское время, когда тоже преимущественно требовалось упорство и терпение. Я помню, сколько я тогда „грустил“ в одиночку, а потом оказалось, что это самый счастливый участок моей жизни.

Страшно богатое и настоящее дело устроил ты с коммунарами, хотя я уверен, что оно требует от тебя много энергии и приносит неприятности. Там, в коммуне, сейчас протекает обычный похабный процесс, какой всегда бывает, когда бессильные, бесталанные люди из зависти к другим и из подражания берутся за большое дело. Я уверен, что коммунарские головы ты понесут и возмездие, все в свое время»³⁰.

Письма Антона Семеновича к бывшим воспитанникам проникнуты отцовской заботой и искренностью. В «Педагогической поэме» и в «Марше 30 года» Н. Ф. Шершнева Антон Семенович изобразил в образе Н. Вершнева. Выпускники пишут ему письма, советуются с ним, называют своих сыновей его именем.

С 1937 года А. С. Макаренко записывает в специальной тетради все, что узнает о коммунарах-дзержинцах, о их жизненном пути, об их заботах и тревогах. Без них ему одиноко, но сведения ему нужны и для «Флагов на башнях». В письме от 14 августа 1938 года к читательнице его произведений учительнице Т. В. Турчаниновой Антон Семенович признается:

«Сейчас очень плохо чувствую себя без ребят, но мало ли приходится по разным причинам плохо себя чувствовать? Приходится делать то, что целесообразно. В течение 16 лет я создал две колонии, и каждая из них была в своем роде хороша, и каждую развалили в момент наибольшей высоты.

До каких же пор можно продолжать подобную работу? Очевидно, что опыт никому ничего доказать не может. Нужно писать. Буду писать как умею, надеюсь, что рано или поздно будет моя победа. Если заинтересуетесь моими писаниями, читайте новый роман «Флаги на башнях», который печатается в журнале „Красная новь“»³¹.

В письме от 6 октября 1938 года Антон Семенович сообщает бывшему коммунару В. Г. Зайцеву о том, что отдельными изданиями должны выйти «Педагогическая поэма» и «Флаги на башнях». «Пиши чаще, – заканчивает свое письмо А. С. Макаренко, – на меня не обижайся. Передай горячий привет ребятам, всем, кто меня помнит. Может быть, летом соберусь к Вам: у меня предстоит командировка в Иркутск, а там уже и к Вам недалеко»³².

Письма свидетельствуют, что, работая над «Флагами на башнях», Антон Семенович поддерживает связь с бывшими воспитанниками. Он пишет книгу о них, его волнуют их судьбы. Он пишет книгу о том, как личность находит себя в коллективе, он формулирует принципиальные положения своей педагогической системы, которую не могли принять «Олимпийцы», все те, кто развалил и погубил созданные им воспитательные учреждения. Достаточно вспомнить весну 1932 года, когда А. С. Макаренко дал согласие оставить пост заведующего и стал исполнять обязанности заместителя по воспитательной части коммуны им. Ф. Э. Дзержинского. В августе 1932 года он пишет члену правления коммуны М. М. Букшпану следующее:

«Второй раз у меня вырывают работу из рук – первый раз в колонии им. Горького в 1927 г., когда наркомпросовские дамы испугались командира, и второй раз, сейчас, когда Кочубиевскому захотелось употребить и дисциплину, и мощь, и культуру нашего коллектива для производственного марафета. В первый раз мне посчастливилось отступить к Вам с отрядом в 60 человек, а теперь и отступать некуда. Кроме того, тогда я был холост, а теперь я связан

³⁰ Там же. С. 72.

³¹ Там же. С. 83.

³² Там же. С. 98.

семьей, с квартирой и прочими сложностями. Только потому я в апреле и согласился сделаться помощником Максимова.

А теперь я вижу, что совершил преступление и перед собой, и перед своим делом»³³.

А. С. Макаренко с грустью и сожалением пишет, что «коммуна направляется к определенному пункту: это завод для несовершеннолетних с общежитием и столовой для рабочих с кое-какой учебной установкой. Для того чтобы держать этих молодых рабочих в повиновении, нужен такой какой-нибудь Макаренко – старший надзиратель. Вот и все. И не заметили того, что самое замечательное, что есть в коммуне, – это коммунарский коллектив. Его не заметили, как не замечают здоровье. А этот коллектив – плод огромной филигранной работы целого десятилетия (...) Только работа этого коллектива над собой, только школа и книга могут определить наше движение вперед. Завод только часть общей работы над коллективом...»³⁴

Находясь в отпуске, Антон Семенович в письме коммунару Черному от 14 апреля 1932 года сообщает: «Благодаря Вашим письмам я знаю все, что делается у нас в коммуне, и задаром не беспокоюсь. Хлопцы наши молодцы, что держат дисциплину и порядок, я за это им страшно благодарен»³⁵.

Жизнь в Москве была также насыщена работой – писательской и лекционной. В письме бывшему воспитаннику Л. В. Конисевичу от 6 октября 1938 года он раскрывает свои писательские планы: «Сейчас тоже много работаю, недавно сдал в печать „Флаги на башнях“, нечто навеянное коммуной имени Дзержинского, вечная ей память. У меня бывает много коммунаров. Вася Ключник бывает у нас почти ежедневно. Были харьковские артисты во главе с Клавой Борискиной, заходят и другие. Народ все правильный, и моя совесть не страдает»³⁶.

Выступая 18 октября 1938 года перед читателями в Ленинградском Дворце культуры им. С. М. Кирова Антон Семенович сообщает о том, как появился замысел «Флагов на башнях», раскрывает свою педагогическую и гражданскую позицию:

«Я хотел изобразить тот замечательный коллектив, в котором мне посчастливилось работать, изобразить его внутренние движения, его судьбу, его окружение.

Это счастливый коллектив в счастливом обществе. И я хотел показать, что счастье этого коллектива, нередко выражающееся в глубоко поэтических формах, заключается также в борьбе, но не в такой напряженной борьбе с явными препятствиями, с явными врагами, как было в колонии, а в борьбе тонкой, в движении внутренних человеческих сил, часто выраженных внутренними, еле заметными тонами. Все это очень важные и сложные вопросы. Только в коммуне им. Дзержинского я особенно остро понял, почувствовал, что недостаточно охватил еще всю сложность процесса воспитания нового человека.

Этот процесс происходит не только внутри самого коллектива, он происходит во всем нашем социалистическом обществе. Это процессы труда и внутренних отношений, роста самого человека и, наконец, многочисленные чрезвычайно тонкие внутрималышеские и междуколонистские отношения. Все это я старался показать. (...) Может быть, с такой задачей в произведении „Флаги на башнях“ я и не справился. Решение этой задачи, вероятно, хватит не одному поколению. Но я обратил внимание, что мальчики и девочки в таком коллективе – это прежде всего граждане. И в этом заключается отличие наших детей от детей какого угодно общества. (...) Чем больше гражданский долг связывается с их ростом и воспитанием, тем более полноценные воспитываются из них люди»³⁷.

---

³³ Там же. С.50.

³⁴ Там же. С. 49.

³⁵ Там же. С. 47–48.

³⁶ Там же. С. 96.

³⁷ Там же. Т. 7. С. 191–192.

Галина Стахивна Макаренко вспоминала, что чужой яркий педагогический опыт Антон Семенович «воспринимал как победу на общем фронте, но в 1938 г. на многочисленном учительском собрании честно сказал: „Такого опыта, как мой, мне не приходилось больше видеть“»³⁸. Высокая оценка деятельности А. С. Макаренко-педагога содержится в воспоминаниях его соратников, близких ему по духу людей.

Чрезвычайно интересную информацию о личности педагога-писателя мы находим в следующих записях Г. С. Макаренко:

«Антон Семенович ревностно оберегал свою внутреннюю творческую лабораторию от постоянного влияния, любопытства и даже слишком настойчивого внимания. Он очень любил неполную строфу Тютчева:

Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум.
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи —
Внимай их пенью — и молчи!..

Никогда не показывал он черновых набросков, предварительных планов, неоконченных вариантов, записных книжек даже самым интимно близким людям. И ссылаясь на Маяковского, который также не любил и не берег своих черновиков. Стоило очень большого труда и времени, чтобы убедить этого исполнительного человека, который, кажется, никогда ничего не забывал, приносить и складывать первые тексты (их, впрочем, трудно назвать черновиками, так они чисто написаны) в отдельный ящик письменного стола. Уже в последние годы в Москве Антон Семенович, изысканно кланяясь, передавал мне очередную связку с веселой шуткой: „Любительнице, хоть бы древних, а то обыкновенных старых бумаг, снисходя к ее слабости“.

Но погибли от этой своеобразной установки драгоценные сейчас 8 первых глав „Поэмы“, так разрознил Антон Семенович замечательный, неопубликованный еще, роман „ФД-1“, так отдал оба экземпляра сценария о коммуне им. Дзержинского и они исчезли. Он много бывал в коммуне и там писал — уследить за ним было невозможно. (...)

Антон Семенович был человеком непреодолимой рабочей энергии и пафоса труда, и только поэтому, создавая колонию и коммуны, он создал „Педагогическую поэму“ о колонистах-горьковцах и „Флаги на башнях“ — поэму о коммунарах-дзержинцах»³⁹.

Приведенные строки воспоминаний самого близкого Антону Семеновичу человека еще раз подтверждают мысль об его удивительной работоспособности. Он находил время решать любую, даже самую незначительную, на первый взгляд проблему, возникшую у воспитанников. О небывалом педагогическом таланте Антона Семеновича замечательно писал его соратник В. Н. Терский: «В его кабинете или штабной палатке во время похода всегда набивалось много народу — приходили воспитанники и педагоги послушать его, посмотреть, как он работает. Ребята шли в кабинет к Антону Семеновичу, готовы были пропустить любое удовольствие — лишь бы побывать у него. Правда, в кабинете они немедленно превращались в действующее лицо, потому что Антон Семенович мог одновременно, продолжая писать одно из своих литературных произведений, заметить, у кого костюм не в порядке, какой разговор ведут за стенами палатки мальчишки, распорядиться позвать их тут же и разрешить их спор (...) В большинстве случаев влияние (педагогическое) Антона Семеновича выражалось не в разговорах или нотациях. Он не вел продолжительных бесед, а остроумный, точно вскользь брошенной фразой добивался изумительных результатов (...) Антон Семенович был крупным ученым, (...), в

---

³⁸ РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 487, л. 123.

³⁹ РГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 487, лл. 97–98, 108, 124.

частности, он прекрасно, до мельчайших деталей, разработал методику внешкольной работы. Антон Семенович помогал нам составлять военные игры, и сам участвовал в них. Кстати сказать, до сих пор мало обращали внимание на то, что Антон Семенович прекрасно знал историю войн, регулярно выписывал и читал журнал „Военное дело“, умел увлечь и заразить военными играми всех нас»⁴⁰.

Неоценимую до сих пор научную ценность имеют неопубликованные тетради-дневники В. Н. Терского. В одной из тетрадей читаем: «А. С. Макаренко часто подчеркивает необходимость большой смелости педагога, о необходимой для этой работы способности рисковать. Такая необходимость фактически возникает перед педагогом в самой его работе. Далеко не всегда бывает возможность все изучить, все взвесить, а обстоятельства требуют неотложного решения вопроса.

Суворовская трактовка слова *глазомер*, как нельзя более подходит к тому замечательному качеству, которое имел Макаренко. Суворов понимал так: не можешь точно ответить на вопрос, отвечай приблизительно, но не молчи и не заявляй: „Не могу знать“, отвечай как можешь, но отвечай! – Невозможно точно рассчитать силу сопротивления турок в крепости Измаил, силу и связь всех обстоятельств, – оцени все на *глазомер*, но не сиди под крепостью, а бери ее! В этом риск, но если все что можно предусмотрено и подготовлено, все быстро продумано как следует, то это благородный риск, в отличие от глупого риска, который никак не обоснован. Меня с Макаренко роднила наша общая любовь к Суворову и желание следовать его примеру в педагогике. Мы отлично все знали: что такое риск, как понимать глазомер, чтобы действовать без опозданий, вовремя, опережая жизнь коллектива и направляя ее. Но как далек был Макаренко от халтуры! Не менее далек, чем от лженаучного педантизма! Там, где обстоятельства дела позволяли изучать вопрос глубже, основательнее, где время позволяло думать, – никогда не спешил Макаренко с выводами и тем более с действиями; в особенности в последнее время его педагогической деятельности, когда и опыта у него было больше и жизнь коллектива коммуны Дзержинского текла по проторенному уже руслу спокойно и величаво, весело и счастливо. Казалось бы опыт позволял ему увереннее, быстрее решать всякие вопросы. Но нет! Строже и требовательнее становился художник своего великого дела и к своему труду и к труду своих товарищей и к ребятам. Но никогда требовательность его к другим не превышала его требовательности к себе лично и не превышала его великой заботы о других, заботы, выразившейся не в словах, а в делах»⁴¹.

«Флаги на башнях» можно назвать лебединой песней педагога-писателя. «Флаги» – это гимн завершающему этапу нелегкого педагогического творчества А. С. Макаренко, это победа, триумф его педагогической системы! Название повести-романа символично: флаги на башнях дома-дворца коммуны были видны издали. По воспоминаниям близких людей можно заключить, что эти флаги ассоциировались у А. С. Макаренко с флагами на рыцарских замках средневековья. Не случайно и то, что коммунары-юноши по-рыцарски относились к коммунарам, защищали и уважали их.

Для А. С. Макаренко, брат которого был поручиком в царской, армии, знамя имело колоссальное воспитательное значение. Еще в дореволюционном высшем железнодорожном начальном училище в Крюкове, будучи его инспектором (заведующим), А. С. Макаренко ввел школьное знамя как сильнейший воспитательный символ. Эту идею подсказал брат Виталий Семенович, который в тяжелые 1917–1919 годы был учителем спорта, рисования, математики в училище. В. С. Макаренко в своих воспоминаниях писал:

⁴⁰ Терский В. Н. Великий педагог // Сб. А. С. Макаренко. – Львов, 1956. С.135–136.

⁴¹ Архив ЦВР им. А. С. Макаренко.

«Надо отметить, что два года, которые мы провели в Высшем начальном училище... прошли под знаком крайних материальных лишений: власти сменялись чуть ли не каждые 2 месяца (большевики, немцы, вновь большевики, петлюровцы, антоновцы, григорьевцы и пр.) и население было разорено. (...) Я донашивал еще форменную одежду (кроме погон) – да другого у меня и не было. Меня расспрашивали о войне, об окопах, о ранениях и наградах. И как-то незаметно, без определенного плана я старался заниматься с ребятами военным строем. Во время уроков гимнастики, несмотря ни на какую погоду, мы строились во дворе, перестраивались и затем уходили с песнями куда-нибудь в ближайшие окрестности.

После военного строя как-то незаметно вопрос зашел о знамени: почему у нас нет своего знамени? Мы хотим иметь свое знамя! Я им советовал обратиться прямо к А.»⁴².

Виталий Семенович отметил, что сначала Антон Семенович был против, обосновывая отказ словами: «Я не хочу здесь заводить казарму!» Но Антона Семеновича удалось убедить в том, что знамя, как и военный строй, «применяется не только в армии, но и у бойскаутов, и в кадетских корпусах и имеет большое воспитательное значение»⁴³. И вот, вспоминал Виталий Семенович, «в одно из первых весенних воскресений 1918 г., сопровождаемые многочисленными родителями, мы совершили нашу первую военную прогулку со знаменем и оркестром в Деевский лес, в 3-х километрах от училища, где оставались целый день – пели, играли, варили кашу, вообще, провели чудесный день; тогда у А. исчезли последние сомнения относительно полезности военного строя»⁴⁴.

Когда Крюков был занят немецкими войсками, продолжал Виталий Семенович, «знамя было шелковое, белое, окаймленное золотой бахромой. С одной стороны были вышиты инициалы училища и эмблема путей сообщения (кажется, скрещенные топор и якорь). С другой стороны, по настоянию попа, Таня Коробова вышила текст из евангелия: „Такое да просветиться свет ваш пред человеком“. (Когда украинцев сменили большевики (в начале 1919 г.), мы сняли со знамени желтую и голубую ленты и заменили их красными»⁴⁵. Позже заменили его красным знаменем, военные прогулки со знаменем стали регулярными, а к лету 1918 года появился собственный оркестр „в 20 человек музыкантов“».

В колонии (коммуне), возглавляемой А. С. Макаренко, знамя было символом единства всех трудящихся большой страны, символом гражданственности и патриотизма.

В связи со сказанным, следует вспомнить историю, случившуюся с Львом Салько, которого Антон Семенович считал своим приемным сыном и который с 14-ти лет был полноправным коммунаром, не раз избирался командиром постоянного и сводного отрядов. Перед войной Лев Салько окончил Московский авиационный институт (МАИ). В начале ВОВ техником-лейтенантом был направлен из ЦАГИ (где работал) в 19-ый полк, осенью переименованный в 1294 с/п 7-ой Баумановской дивизии народного ополчения (находился на второй линии обороны западнее г. Дорогоуша Смоленской области). 5 октября 1941 г. поступил приказ: всему полку выступать в поход на восток к г. Медынь. 7 октября полк прибыл к с. Знаменка (по шоссе Юхново-Вязьма). Вновь приказ – разворачиваться для принятия боя. Полк должен был прикрыть отступление частей Красной Армии из района г. Юхнов. Полк принял бой. Ночью полковник Разгуляев дал приказ отступать по направлению к г. Вязьмы. По шоссе двинулись к г. Вязьмы. Но пробиться в город не удалось: попали под обстрел. Укрывались в лесу, провели разведку. Двинулись по направлению к ст. Иваново по железной дороге. Утром дошли до шоссе, а там двигались немецкие танки. В лесу полковник Разгуляев передал Льву Салько на хранение 2 полковых знамени и обменял винтовку на ППШ.

⁴² На разных берегах... Судьба братьев Макаренко. / Сост. и коммент. Г. Хиллиг. М.: Издательский центр «Витязь», 1998. С. 51–53.

⁴³ Там же. С. 53.

⁴⁴ Там же. С. 54.

⁴⁵ Там же.

9 октября 1941 г. группа (человек 80, присоединялись люди – от 50 до 200) во главе с полковником Разгуляевым вышла по направлению к г. Гданску для соединения с частями Красной Армии. Шли ночью. 19 октября вечером находились в 30 км от Можайска Московской области, а ночью сделали последний переход между селениями Борисово и Ведея возле Можайска и соединились с частями Красной Армии.

Полковник Разгуляев передал отряд на пересыльный пункт в г. Дорохово, а сам со своим полком отправился в Москву. С ним был и Лев Салько. 31 октября 1941 г. прибыли в Москву. Лев отдал здесь Разгуляеву два знамени 1294 полка, которые все это время нес. Знамена были сохранены, что позволяло полковнику Разгуляеву формировать полк. Без сохранения знамен это было бы невозможно. Лев Салько попал на пересыльный пункт и далее был послан в распоряжение ВДВКА, где был зачислен в летно-испытательный отряд ВДВ КА, который формировался в г. Саратове.

Сохранилась семейная переписка Льва Михайловича Салько с матерью. В июле 1941 года он с тревогой пишет: «Прошу, умоляю тебя, скорее уезжай из Москвы к нашим. Только это может меня успокоить. Становлюсь на колени и умоляю!!!»⁴⁶ В эвакуации уже находилась беременная супруга Льва – Галина Павловна, в девичестве Смирнова. Ее отец – Павел Петрович Смирнов, военный, во время ВОВ помог вывезти архив А. С. Макаренко из Москвы в Куйбышев.

* * *

Роль знамени в военной истории России была огромной. Верность боевому знамени глубоко заложена в сознании русского народа. А. С. Макаренко, прекрасный знаток истории, понимал, что одной из древнейших традиций нашего воинства является верность боевому знамени. У древних славян выше всех других символов почитались свои знамена. Если офицеры или солдаты оставляли свое знамя, они несли жестокое наказание. Не случайно в воинском уставе 1716 записано, что если стоя перед неприятием, «уйдут и знамя свое или штандарт до последней капли крови оборонять не будут, оные имеют шельмовать быть, а когда пойманы, убиты будут».

В «Марше 30 года» А. С. Макаренко писал: «Строевой устав коммуны давно выработан и закреплён, как и полагается для военного устава. Поэтому собраться в поход, построиться и выступить коммуна в случае надобности может в течение трех минут».⁴⁷

В походы обязательно брали знамя. В «ФД-1» читаем: «Вынес четвертый отряд знамя в чехле и замер перед фронтом. С правого фланга отделилась знаменная бригада, под салют оркестра приняли знамя, и вот оно уже на правом фланге во главе нашей белоснежной колонны, чтобы быть там полтора месяца»⁴⁸.

В коммуне избиралась знаменная бригада (или отряд) – это знаменщик и два ассистента с винтовками. Знамя в чехле несли во время всех походов. В начале похода, в торжественные моменты всегда отдаётся честь знамени. Вот как описывает этот ритуал А. С. Макаренко:

«Все готово. (...) В оркестре поднимают трубы, и фанфаристы расцвечивают утро красными полотнищами флагов. Волчок настороженно поднимает руку.

– Под знамя смирно! Равнение налево!

Оркестр гремит знаменный салют, все коммунары поднимают руки, перед фронтом замирает Карабанов. Служащие, провожающие колонну, тоже козыряют. Из парадных дверей выходит дежурный по коммуне и с рукой у козырька фуражки «ведет» знамя. Три коммунара

---

⁴⁶ РГАЛИ, ф. 332, оп. 5, ед. хр. 104.

⁴⁷ Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. Т.2. С.80.

⁴⁸ Там же. С.161.

бережно и подчеркнуто изящно проносят знамя по фронту и устанавливают его на правом фланге. Знамя держат почти вертикально: если оно без чехла, то оно не развеивается, а красивыми мягкими складками падает на плечи знаменщика, и при движении линии этих складок почти не меняются. Древяк только касается плеча, вся тяжесть приходится на руки, а двумя руками держать знамя неприлично. Поэтому быть знаменщиком – дело довольно трудное. (...) Коммунары прямо с развернутого фронта переходят в марш, на ходу перестраиваясь в колонну. Наш постоянный строй по шести, расстояние между рядами просторное – шесть шагов до трех. Командиры взводов впереди, а между взводами интервал шесть шагов.

Гремит радостный марш: начался наш праздник.

Через час колонна подходит к городу. Между высокими домами улицы Либкнехта наш большой оркестр разрывает воздух»⁴⁹.

Культе знамени несет на себе огромную воспитательную силу. У А. С. Макаренко знамя, флаг ассоциировались со стремлениями гордого коммунарского коллектива к новым высотам в учебе и труде. Коллектив всегда стремился к новым высотам, к борьбе за лучшую жизнь. Педагог неоднократно повторял: «Символ единства – знамя»⁵⁰. О знамени Антон Семенович говорил так: «Если знамя стоит в одной комнате и надо его переместить ввиду ремонта в другую комнату, то вся коммуна одевается в нарядные костюмы и в строю переносит знамя. Это не только символизирует любовь к нашей стране, но и четкость работы коллектива»⁵¹.

Не случайно 17-ю главу третьей части своей последней книги А. С. Макаренко называет «Флаги на башнях» (как и название всей книги). В главе показана работа штаба коммунарского соревнования. Антон Семенович приводит диаграммы штаба, рассчитанные на многие годы. Фронты на диаграммах постоянно перемещаются. Например: «Положение на фронте на 29 августа. Вчера наш краснознаменный правый фланг нанес последний удар противнику: годовой план швейного цеха выполнен полностью, девочки после короткого штурма взяли правые башни города, на башнях развеивается Красный флаг СССР...»⁵². Далее А. С. Макаренко поясняет: «На диаграмме, действительно, было видно: на правой башне развеивается красный флаг. Это замечательное событие так долго ожидалось, что просто глазам не верилось, когда оно наступило. Четвертая бригада в продолжение целого дня ходила смотреть на диаграмму: действительно, на башнях стоит маленький, узенький красный флаг и на нем написано: СССР»⁵³.

Вот как воспринимает знамя юный персонаж «Флагов на башнях» Ваня Гальченко: «Знамя колонии им. Первого мая Ваня видел первый раз, но кое-что о нем знал. Знаменщик Колос и его два ассистента не входили ни в одну из бригад колонии, а составляли особую «знаменную бригаду», которая жила в отдельной комнате. Это была единственная комната в колонии, которая всегда запиралась на ключ, если из нее все уходило. В этой комнате знамя стояло на маленьком помосте у затянутой бархатом стены, а над ним был сделан такой же бархатный балдахин»⁵⁴.

Редактор «Флагов на башнях» Ю. Б. Лукин в статье «Педагог и писатель», напечатанной в «Комсомольской правде» 1 апреля 1944 г. (к 5-летию со дня смерти А. С. Макаренко) писал: «Особым благоговением овевая у Макаренко культ Красного знамени, символ и борьба за самые светлые идеалы человечества. Воспоминание о крови наших отцов, окрасившей это знамя, всегда служило у Макаренко могучим дисциплинирующим фактором этики и морали нового человека».

⁴⁹ Там же. С.83.

⁵⁰ Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. Т.8. С. 139.

⁵¹ Там же. С. 183.

⁵² Там же. Т. 6. С.288.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. С. 172.

Военизация, за которую так ругали А. С. Макаренко представители «Олимпа», была именно той игрой, которая нравилась всем без исключения колонистам (коммунарам). Военизация по Макаренко – это строжайшая дисциплина, выполнение без пререканий установленных правил коммунарской жизни. Это прекрасная тренировка в самодисциплине, выносливости, ответственности. Продуктивная работа Совета командиров, общих собраний, ответственность командиров за свой отряд, бесчисленные комиссии и дежурства по коммуне, за которые отвечали сами коммунары, учеба, производительный труд на заводе, многочисленные кружки – все это делало коммунаров истинными хозяевами своего родного дома, в котором всегда царила атмосфера радости, благополучия, защищенности. Никаких хмурых лиц, только веселый смех, иногда иронический!

В «Марше 30 года» в главе «Куда мы идем?» читаем: «Вообще говоря, в коммуне вырабаталась очень сложная и хитрая механика внутренних отношений. Механика наших отношений инстинктивно устанавливаются каждым коммунаром. Благодаря этому нам удастся избежать какого бы то ни было раскола коллектива, вражды, недовольства, зависти и сплетен. И вся мудрость этих отношений, в глазах коммунаров, концентрируется в переменности состава совета командиров, в котором уже побывала половина коммунаров и обязательно побывают остальные»⁵⁵.

По словам редактора Ю. Б. Лукина, А. С. Макаренко «сумел создать своим коммунарам такую юность, которой могут позавидовать многие дети, воспитывающиеся в семье, и которая решительным образом определила всю их дальнейшую жизнь. Поразительно чуткий педагог, он в своей воспитательной системе нашел интереснейшие методы... коллективного воспитания. В его системе замечательно учтены были детская тяга к военной игре, детский кодекс чести, строгость детской дисциплины, воспитательное значение образования и квалифицированного труда, яркая реакция психики подростка на оказываемое ему доверие. Он был предельно взыскательным, педантически дотошным в требованиях исполнения его приказов и в то же время по-горьковски верил в человека. Широта его доверия, по рассказам бывших колонистов и коммунаров, прямо-таки потрясала их и была одним из решающих факторов в переломе их психологии»⁵⁶. Антон Семенович «обладал талантом находить дорогу к самому хорошему, что есть у человека. Он уже тогда, в годы лишений и голода, хотел и добивался, чтобы весь мир завидовал его стройным «пацанам» в темных рубашках с белыми воротниками, его прославленным колонистам. Он был страстно, пророчески убежден, что это все будет и уже есть прекрасные люди»⁵⁷.

Следует сказать о том, что знакомство А. С. Макаренко с Ю. Б. Лукиным произошло в самом начале 1930-х годов, когда редактировалась рукопись «Марша 30 года». Любопытное совпадение: Юрий Лукин – первый редактор первого опубликованного художественного произведения Антона Семеновича и последнего – «Флагов на башнях». Молодой в те годы редактор вспоминал: «Когда однажды, сидя в редакции, я услышал вопрос: „Где здесь редакция современной литературы?“ и ко мне обратился пожилой человек в военной шинели, с обветренным суровым лицом и совершенно особенным, несомненно макаренковским, чуть насмешливым, затаенно улыбающимися глазами, я, не задумываясь даже о неожиданности своего вопроса, спросил его: „Вы – товарищ Макаренко?“ Он расхохотался и подтвердил это, удивляясь тому, что был так сразу узнан. Мне кажется, его повсюду бы узнали те, кто читал его книги.

⁵⁵ Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. Т.2. С. 38.

⁵⁶ Лукин Ю. Вступительная статья //Макаренко А. С. Флаги на башнях. – М.: ГИХЛ, 1958.

⁵⁷ Макаренко А. С. Флаги на башнях. – М.: ГИХЛ, 1939. С.5–6.

Работать над рукописью Антона Семеновича было очень интересно и весело. Его тонкий ум, вкус и юмор превратили эту сложную, подчас очень утомительную работу в увлекательнейшее занятие – вроде игры в шахматы.

Он много балагурил. Так, например, правя однажды в его кабинете в Лаврушинском переулке текст „Флагов на башнях“, мы обнаружили, что там на каждом шагу герои улыбались и хохотали. Антон Семенович, шутливо сетуя на то, что вот, дескать, автор и редактор не дают молодежи повеселиться, рассказал к разговору, что в одной редакции ему слово „пацаны“ всюду переправили на „парни“. И когда мы кончили работу, он улыбнулся своей удивительно теплой улыбкой и сказал: „Ну вот, теперь всех улыбающихся пацанов повыкидывали, остались одни мрачные... парни с Лаврушинского“». Эти воспоминания («За редактированием рукописи») были опубликованы в Литературной газете в 1941 г. от 6 апреля.

За милым балагурством, вспоминал Ю. Лукин, за блестящими парадоксами, неожиданными сопоставлениями, противопоставлениями, «за внешней игрой блестящего ума открывались глубокие, всегда неожиданные, всегда интереснейшие раздумья и мысли».

Смерть А. С. Макаренко 1 апреля 1939 года была неожиданной для всех. Ю. Лукин с болью и горечью невосполнимой утраты вспоминал, что в день похорон его до глубины души поразили бывшие колонисты и коммунары, теперь военные и штатские: «Они были прекрасны. То душевное богатство, которое он сумел в них воспитать, та особая подтянутость, которой они выделяются в массе окружающих их людей, не давали вам возможности остановить свое внимание на неправильностях лица или фигуры: вас поражало то, что они все красивы. Он был бесконечно прав, утверждая это и описывая их такими».

Запомнилась Ю. Лукину речь бывшего колониста, а теперь военного, о своем учителе и отце: «Он требовал неукоснительного выполнения его распоряжений, но он и глубоко верил в каждого из нас. Он умел найти и раскрыть в человеке самое лучшее, что есть в нем. Он был великий гуманист. Он отстаивал свои идеи, не отступая ни на шаг, когда считал себя правым»⁵⁸.

Боль неизмеримой утраты отзывалась не только в сердцах воспитанников, соратников и родных. Это была и есть утрата для всех, кому было дорого воспитание молодого поколения, это было общее горе. А как много планировал еще сделать А. С. Макаренко! В день своего рождения 13 марта 1939 года, а ему исполнился 51 год, Антон Семенович торжественно заявлял, что ему нужно еще лет сто прожить, чтобы осуществить все задуманное. К этому обязывал его и орден Трудового Красного Знамени, полученный им за выдающиеся заслуги в области литературы в феврале 1939 года. Заметим, награда получена не за педагогические заслуги!

«Флаги на башнях», последнее произведение Антона Семеновича на педагогическую тему, до сих пор не оценены по достоинству. До сих пор бытует мнение, что колония Первого мая – это утопия. Однако это далеко не так. А. С. Макаренко показал общество трудолюбивых красивых людей, которые творили свою историю, историю своей страны. Педагог выпустил в жизнь трудолюбивых людей, достойных патриотов своей страны, дисциплинированных, ответственных, волевых, мужественных, образованных, целеустремленных, с развитым чувством долга, чести и душевного благородства.

В конце жизни на А. С. Макаренко обрушился шквал критики.

12 марта 1949 года в «Учительской газете» впервые было опубликовано письмо воспитанников А. С. Макаренко, адресованное редактору «Литературной газеты» О. Войтинской и критику Ф. Левину. Письмо было написано еще в апреле 1939 года, сразу же после смерти Антона Семеновича, и подписано письмом С. А. Калабалиным, А. Тубиным, Л. Салько, В. Ключником, Е. Ройтенбергом. Воспитанники Антона Семеновича писали: «Наш долг – долг коммунаров, наследников светлого имени Антона Семеновича Макаренко, долг советских граждан, большевиков партийных и непартийных – вернуть истине свое место. Мы требуем, чтобы гражда-

---

⁵⁸ Там же.

нин Ф. Левин публично отказался от напечатанной им статьи в „Литературном критике“... Мы требуем четкой большевистской принципиальности в решении этого спора между ушедшим от нас физически, но живым в своем творчестве, в воспитанных им людях Антоном Семеновичем Макаренко и „живым“ критиком Ф. Левиным, который находится по ту сторону нашей жизни, потому что он не любит ее, не способен понять творческих возможностей советских людей. ...Мы во всеуслышание заявляем, что жизнь, описанная в книге А. С. Макаренко „Флаги на башнях“ существовала, что действительно была в Харькове коммуна им. Ф. Э. Дзержинского, названная в романе „Колония Первого мая“, и что мы ее воспитанники. Там действительно был дворец, там была жизнь коллектива, стоящая неизмеримо выше простого общежития неорганизованных ребят. В романе „Флаги на башнях“ показан коллектив, выросший на основе шестнадцатилетнего педагогического опыта А. С. Макаренко, коллектив, впитавший все прекрасное, что дала колония им. Горького. Об этом Вы можете узнать, открыв „Педагогическую поэму“»⁵⁹.

Эти строки свидетельствуют о беззаветной любви воспитанников к своему учителю, заменившему им отца. Это акт, направленный на защиту последней повести А. С. Макаренко «Флаги на башнях».

Выход в свет «Флагов на башнях» отдельным изданием после смерти А. С. Макаренко вызвал горячий отклик у читателей.

В заключение отметим, что на заседании президиума ССП и актива «Литературной газеты» высокую оценку последнему художественно-педагогическому произведению А. С. Макаренко дали А. Фадеев, К. Федин, А. Караваева. Отчет о заседании был опубликован в «Литературной газете» 26 апреля 1939 года...

* * *

Основой настоящего издания повести «Флаги на башнях» послужил текст, опубликованный в 6 томе «Педагогический сочинений» А. С. Макаренко в 8-ми томах (М., Педагогика, 1983–1986). В данном издании «Флагов» курсивом выделены восстановленные по первому прижизненному изданию⁶⁰ тексты: глава «На всю жизнь!», не вошедшие в отдельное издание фрагменты, предложения, диалоги и отдельные слова. В подстрочных сносках-примечаниях отмечены отдельные варианты слов и выражений, которые соответствуют оригиналу (по журнальной публикации) или редакторской правке к книге.

В основу «Марша 30 года» и «ФД-1» также положен текст, опубликованный во 2 томе «Педагогических сочинений».

«Марш 30 года» сверен по прижизненному изданию (ГИХЛ, 1932 г.). События книги разворачиваются осенью 1930 года, когда коммуна вернулась из крымского похода. По живым следам А. С. Макаренко пишет книгу и отправляет в редакцию. К сожалению, авторский текст до сих пор не обнаружен. За два года «хождения по мукам» очерк был основательно отредактирован, в таком виде и вышел в свет. Педагог писал повесть, а отредактированный текст, потерявший красоту колоритного макаренковского стиля, скорее стал напоминать очерк. Очерком он и был обозначен в прижизненном издании.

Не менее печальной оказалась и судьба «ФД-1». Являясь прямым продолжением «Марша 30 года», в «ФД-1» события разворачиваются в 1931–1932 годы. Названия этих произведений символичны: в «Марше» коммуна изображена действительно «на марше» – важном переходе

⁵⁹ Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8-ми т. / Сост.: Л. Ю. Гордин, А. А. Фролов, М. Д. Виноградова. Т. 7. М.: Педагогика, 1983. С.292.

⁶⁰ Журнал «Красная новь», № 6–8, 1938. Тексты проверены также по рукописям. См.: РГАЛИ, фонд 332, опись 1, ед. хр. 15–17.

от одного этапа своего развития к другому, более сложному. В «ФД-1» заводская марка первой в стране электросверлилки, которую выпустила коммуна, олицетворяет еще один более высокий этап ее развития. К сожалению, при жизни Антона Семеновича «ФД-1» не был опубликован, а рукопись была частично уничтожена самим автором. Отточиями указаны те места книги, которые были потеряны навсегда. Впервые текст книги был опубликован в 1949 году в четвертой книге Избранных педагогических сочинениях А. С. Макаренко.

Читатель впервые по достоинству оценит восстановленные тексты педагогических поэм великого педагога-гуманиста XX века Антона Семеновича Макаренко.

С. С. Невская
Москва, 2013 гг.

Флаги на башнях

Повесть

Часть первая

1

Человека сразу видно

Началась эта история на исходе первой пятилетки.

*Весна успела покончить только с главными своими врагами: морозом и снегом.*⁶¹ От зимы остались *только корочки льда, и они покорно изнывают под солнцем*, прикрытые от него всяким хламом: соломенным прахом, налетами грязи и навоза. Поношенный булыжник привокзальной площади *тоже* греется под солнцем, а между булыжником просыхает земля, и за колесами уже подымаются волны новенькой пыли. Посреди площади – запущенный палисадник. Летом в палисаднике распускаются на кустах листья и бывает похоже на природу, сейчас же здесь просто грязно, голые ветки дрожат, как будто на земле не весна, а осень.

От площади в городок ведет мостовая. Городок – маленький, случайно попавший в географию. Многие люди о нем и совсем не знали бы, если бы им не приходилось делать пересадку на узловой станции, носящей имя города.

На площади стоит несколько ларьков, сооруженных еще в начале нэпа. В сторонке – почта, на ее дверях – желтая яркая вывеска. Возле почты скучают две провинциальные клячи, запряженные в перекосившиеся экипажи – линейки. Движение на площади небольшое – больше проходят железнодорожники с фонарями, кругами веревки, фанерными чемоданчиками. Рядок будущих пассажиров – крестьян сидит на земле у стены вокзала, греется на припеке⁶².

В сторонке от них расположился в одиночестве Ваня Гальченко, мальчик лет двенадцати. Он грустит у своей подставки для чистки сапог и щурится на солнце. Подставка у него легонькая, кое-как сбитая из обрезков, видно, что Ваня мастерил ее собственноручно. И припасу у него немного. У Вани чистое, бледное лицо⁶³ и костюм еще исправный, но и в лице и в костюме уже зародился тот беспорядок, который потом будет отталкивать добрых людей на улице и неудержимо привлекать на сцене или на страницах книги. Этот процесс байронизации Вани только-только что начался – сейчас Ваня принадлежит еще к тем людям, которых не так давно называли просто «хорошими мальчиками».

Из-за палисадника, описывая быструю, энергичную кривую, картинно заложив руки в карманы пиджака, щеголяя дымящейся в углу рта папиросой, вышел здешний молодой человек и прямо направился к Ване. Он поддернул новенькую штанину, поместил ногу на подставку и спросил, не разжимая зубов, *которыми продолжал держать папиросу*:

– Желтая есть?

Ваня испугался, поднял *серые* глаза, ухватился за щетки, но тут же увял и растерянно-грустно ответил:

– Желтая? Нету желтой.

Молодой человек обиженно снял ногу с подставки, снова заложил руки в карманы, презрительно пожевал папиросу.

– Нету? А чего ты здесь сидишь?

Ваня развел щетками *и виновато улыбнулся*:

---

⁶¹ Здесь и далее текст, выделенный курсивом, был исключен из отдельного прижизненного издания книги.

⁶² В оригинале «на солнышке».

⁶³ В оригинале «У Вани чистое, бледное личико. По натуре он человек веселый и живой, но сейчас подошла трудная минута».

– Так черная есть...

Молодой человек гневно толкнул носком ботинка подставку и произнес скрипящим голосом:

– Только голову морочите! Черная есть! Ты имеешь право чистить?

Ваня наклонился к подставке и начал быстро складывать свое имущество, а глаза поднял на молодого человека. Он собрался было произнести слова оправдания, но в этот момент увидел за спиной молодого человека новое лицо. Это юноша⁶⁴ лет шестнадцати, худой и длинный. У него насмешливо-ехидный большой рот и веселые глаза. Костюм старенький, но все-таки костюм, только рубашки под пиджаком нет, и поэтому пиджак застегнут на все пуговицы и воротник поднят. На голове клетчатая светлая кепка.

– Синьор, уступите очередь, я согласен на черную...

Молодой человек не обратил внимания на появление нового лица и продолжал с надоедливой внимательностью:

– Тоже чистильщик! А документ у тебя есть?

Ваня опустил щетки и уже не может оторваться от гневного взгляда молодого человека. Раньше Ваня где-то слышал, какое значение имеет документ в жизни человека, но никогда серьезно не готовился к такому неприятному вопросу. *Он смотрит вверх широко открытыми глазами, и в глазах сами собой появляются слезы.*

– Ну? – грубо спросил молодой человек.

– *Документ?* – *шепотом переспросил Ваня.*

В этот печальный момент на Ваниной подставке опять появилась нога. На ней очень древний ботинок светло-грязного цвета, давно не пробовавший гуталина. Вследствие довольно невежливого толчка молодой человек отшатнулся в сторону, но толчок сопровождался очень вежливыми словами:

– Синьор, посудите, никакой документ не может заменить желтой мази.

Молодой человек не заметил ни толчка, ни вежливого обращения. Он швырнул папиросу на мостовую и, порываясь ближе к Ване, оскалил зубы:

– Пусть документ покажет!

Обладатель светло-грязного ботинка гневно обернулся к нему и закричал на всю площадь:

– Милорд! Не раздражайте меня! Может быть, вы не знаете, что я – Игорь Черногорский?

Наверное, молодой человек действительно не знал об этом. Он быстро попятился в сторону и уже издали с некоторым страхом посмотрел на Игоря Черногорского. Тот улыбнулся ему очаровательно:

– До свиданья... До свиданья, я вам говорю! Почему вы не отвечаете, *черт возьми?*

Вопрос был поставлен ребром. Поэтому молодой человек охотно прошептал «до свиданья» и быстро зашагал прочь. Возле палисадника он задержался, что-то пробурчал, но Игорь Черногорский в этот момент интересовался только чисткой своих ботинок. Его нога снова поместилась на подставке. Ваня весело прищурил один глаз, спросил:

– Черной?

– Будьте добры. Не возражаю. Черная даже приятнее.

Ваня одной из щеток начал набирать мазь. *В его глазах уже нет слез, только на щеке, просыхая на апрельском солнце, слабо блестит влажный след.* Героическое столкновение Игоря Черногорского с молодым человеком нравится Ване, но, *прищурив глаз*, он спрашивает:

– Только... Десять копеек. А у вас есть десять копеек?

Игорь Черногорский растянул свои ехидные губы:

– Товарищ, вы всем задаете такой глупый вопрос?

---

⁶⁴ В оригинале «парнишка».

Ваня рассмеялся громко и покраснел:

– *Глупый? А у вас есть десять копеек?*

Игорь Черногорский ответил спокойно:

– Десяти копеек нет.

Ваня с тревогой приостановил работу:

– А... сколько у тебя есть?

– Денег у меня нет... Понимаешь, нет?

– *Понимаю. Только как же без денег?* Без денег нельзя.

Рот у Игоря удлинился до ушей, и в глазах изобразился любознательный вопрос:

– Почему нельзя? Можно.

– Без денег?

– Ну, конечно, без денег. Ты попробуй. Очень хорошо получится.

Ваня взвизгнул радостно, потом прикусил нижнюю губу. В его глазах загорелось настоящее задорное вдохновение.

– Почистить без денег?

– Да. Ты попробуй. Интересно, как получится без денег.

– А что ж? Возьму и попробую...

– Я по глазам вижу, какой ты человек.

– Сейчас попробую. Хорошо получится.

Ваня бросает на клиента быстрый иронический взгляд. Потом он энергично принимается за работу.

– Ты беспризорный? – спросил Игорь.

– Нет, я еще не был беспризорным.

– Так будешь. А в школу ходишь?

– *Понимаешь, не хочется.*

– *Почему?*

– *Не хочется, страшно не хочется. Другим хочется, а мне нет.*

– *Вот как?*

– *Я хочу учиться. Я уже учился. А потом они уехали.*

– Кто? Родители?

– Нет, не родители, а... так. Они поженились. Раньше были родители, а потом...

Ване не хочется рассказывать. Он еще не научился *кокетничать* и с пользой реализовывать в жизни собственные несчастья. Он внимательно заглядывает на потрепанные задники ботинок Игоря.

– Коробку эту сам делал?

– А что? Плохо?

– Замечательная коробка. А где ты живешь?

– Нигде. В город хочу ехать... Так денег нет... сорок копеек есть.

Ваня Гальченко рассказывает все это спокойно. *У него ясный, звонкий голос, очень часто, в самых выразительных местах, повышающийся до писка.*

Работа кончена. Ваня поднял глаза с гордостью и юмором:

– Хорошо получилось?

Игорь потрепал Ваню по русой взлохмаченной голове:

– А ты пацан веселый. Спасибо. Человека, понимаешь, сразу видно.

– *Разве я человек? Мне только двенадцать лет.*

– Поедем вместе в город? – *наклонился к Ване Игорь.*

– Так денег нет... Сорок копеек.

– Чудак. Разве я тебе говорю: купим что-нибудь? Я говорю: поедем.

– А деньги?

– Так ведь ездят не на деньгах, а на поезде. Так?

– Так, – кивнул Ваня, размышляя.

– Значит, нам нужны не деньги, а поезд.

– А билет?

– Билет – это формальность. Ты посиди здесь, я сейчас приду.

Игорь Черногорский достал из кармана пиджака какую-то бумажку, внимательно ее рассмотрел, потом подставил бумажку под лучи солнца и сказал весело:

– Все правильно.

Он показал на здание почты:

– В том маленьком симпатичном домике есть, кажется, лишние деньги. Ты меня подожди.

Он проверил пуговицы пиджака, поправил кепку и направился не спеша к почте. Ваня проводил его внимательным, чуть-чуть удивленным взглядом.

2

Три пирожка с мясом

В кустах станционного палисадника стоит шаткая скамья. Вокруг скамьи бумажки, окурки, семечки. Сюда пришли откуда-то все тот же здешний молодой человек и Ванда Стадницкая. Может быть, они пришли из города, может быть, с поезда, а скорее всего они вышли вот из-за этих самых тощих кустов палисадника. У Ванды калоши на босу ногу, старая юбчонка в клетку и черный жакет, кое-где полинявший и показывающий желтую крашенину. Ванда очень хорошенькая девушка, но заметно, что в ее жизни были уже тяжелые неудачи. Белокурые ее волосы, видно, давно не причесывались и не мылись; собственно говоря, их нельзя уже назвать белокурыми.

Ванда тяжело опустилась на скамью и сказала сонным, угрюмым голосом:

– Иди к черту! Надоел!

Молодой человек дрогнул коленом, поправил воротник, кашлянул:

– Дело ваше. Если надоел, могу уйти.

Он направился к выходу из палисадника. Ванда провожала его медленным, скучным взглядом.

– Ну, дай же что-нибудь! Что ж ты... – крикнула она, когда он должен был скрыться.

Молодой человек *остановился. Он хотел как будто оглянуться, но не оглянулся, достал из кармана кошелек, долго в нем искал, облизнул губы, влажно улыбнулся, пожал плечами:*

– Есть только двадцать копеек и два пятака.

Он протянул ей деньги, но Ванда не сделала усилия, чтобы взять их. Он положил три монеты на скамейку около Ванды и ушел все с той же влажной улыбкой.

Ванда сонным и тупым взглядом проводила его и сказала негромко про себя:

– Какой... гад!

Держась рукой за спинку скамьи, склонив голову на руку, Ванда не то мечтательным, не то безнадежным взглядом глядела на далекие белые облака. Потом, удобней улегшись щекой на *теплое* сукно рукава, она, не мигая, засмотрелась на переплеты голых кустов палисадника. В таком положении сидела она очень долго, пока рядом с ней не уселся Гришка Рыжиков. Это угрюмый, некрасивый парень. На щеке – заживающая болячка. Фуражки нет, но рыжие волосы причесаны. Новые суконные брюки и заношенная, полуистлевшая рубаха. Вытянув ноги в тапочках и как бы любясь ими, он спросил:

– Нет пошамать? ⁶⁵

Не меняя позы, Ванда сказала медленно:

---

⁶⁵ В оригинале «-У тебя нечего пошамать?»

– Отстань.

Рыжиков ничего не сказал, но, видимо, и не обиделся. *Так* они сидели и молчали еще несколько минут, до тех пор, пока у Рыжикова не устали ноги. Он резко повернулся на скамейке. *Один* двугривенный и два пятака свалились на землю. Не спеша Рыжиков поднял их и разложил на ладони.

– Твои?⁶⁶

Ванда не ответила, только лицо обратила к далеким облакам. Рыжиков несколько раз подбросил деньги на руке. Сказал задумчиво:

– Три пирожка с мясом.

Продолжая подбрасывать монеты на ладони, он побрел к вокзалу. *Ванда не заметила его ухода, она, вероятно, мечтала.*

3

Добрая бабушка

Игорь Черногорский вошел в помещение почты и огляделся. Комната была маленькая, перегороденная деревянной решеткой. В решетке два окна. У одного – длинная очередь, у другого, где надпись:

«Заказная корреспонденция.

Прием и выдача денежных переводов», —

ожидают всего трое посетителей.

Игорь стал позади сгорбленной, пухлой старушонки и пригляделся к «барышне» за окном. Но это вовсе и не барышня, – сухая и бледная женщина, и лет ей не меньше сорока. Игорь ощупал в кармане свою бумажку и подумал, что барышня, к сожалению, мало симпатична. Соображения о бумажке и «барышне» так его заняли, что он не заметил, как его предшественница в очереди молниеносно закончила свое дело и исчезла.

– Вам что?

Несимпатичная женщина за окном строго смотрела на Игоря.

– Здесь должен быть перевод... до востребования... Игорю Чернявину...

Она забежала сухими пальцами по краям целого отряда переводов, сложенных в ящике. Выхватила один из них, поднесла к глазам:

– Это – вы?

– Это – я.

– Это вы – Чернявин?

У Игоря в груди пробежал легкий, приятный холодок:

– Собственно говоря, это я.

Женщина посмотрела на Игоря сердито:

– Как вы странно говорите – «собственно говоря!» Вы Чернявин или нет?

– Ну, конечно, я. Какие же могут быть сомнения?

– Покажите ваш документ.

Игорь отвернулся и полез в карман. Мельком взглянул на двери. Двери открыты настежь, за ними свежее небо и прекрасный жизненный простор. Игорь протянул женщине документ. Она прочитала все от первого до последнего слова, глянула на обратную сторону, глянула на Игоря:

– Здесь написано, что вы командируетесь в областной отдел связи. А почему вы у нас получаете деньги?

---

⁶⁶ В оригинале «-Это твои деньги».

- А я... так сказать, проездом...
- «Так сказать»... Сколько же вам лет?
- Восемнадцать...
- Да не выдумывайте!

Игорь улыбнулся смущенно:

- Что же я могу поделать, если я такой... моложавый...
- Я спрошу у заведующего...

Она направилась к узенькой двери в углу. За спиной Игоря о чем-то зашептались в очереди. Открытая дверь потянула его к себе неудержимо, *он прошептал*:

– *Ох ты, черт!*

Оглянулся: в очереди – больше женщины... пожилой рабочий довольно сонного вида. Игорь поставил локоть на полку и принял рассеянно-скучающий вид.

– Чернявин? Вы где живете?

Не снимая с полки локтя, Игорь неохотно повернул лицо. Заведующий небрит и тоже несимпатичен.

- Что?
- Вы где проживаете? В каком городе?
- В Старосельске.
- А почему сюда адресованы деньги?
- Это не ваше дело, – произнес Игорь со скукой.
- Как это не мое дело?
- Абсолютно не ваше.
- Я в таком случае денег не выдам.

Заведующий произнес эти слова решительным голосом, но бумажка дрожит у него в руке, а глаза неуверенно присматриваются к Игорю. Тоже – физиономист!

Игорь Чернявин высокомерно улыбнулся:

– В таком случае позвольте мне жалобную книгу.

Заведующий всеми пальцами потер небритую щеку:

- Жалобную? А что вы будете записывать?
- Я запишу, что вместо денег вы предлагаете мне глупые вопросы...
- Молодой человек! – закричал заведующий.

Но закричал и Игорь:

– Глупые вопросы! Почему сюда выслали деньги? Это не ваше дело, почему! Может быть, они высланы на мои похороны. А может быть, на мою свадьбу! Я должен вам объяснить почему? Давайте или деньги, или жалобную книгу!

В очереди засмеялись. Игорь оглянулся: очередь была на его стороне. Одна из женщин сказала с горечью:

– Вот они всегда такие. Чего куражиться над бедным мальчиком. Родители, может, выслали.

Заведующий стоял, думал над бумажкой.

– Отпускай там скорей, чего нас держишь? – закричали в очереди.

– Хорошо, – произнес заведующий с угрозой, – я деньги выдам. Но я запрошу Старосельск.

- Будьте добры, синьор, запросите.
- Выдайте им, – распорядился заведующий.

И вот Игорь Чернявин стоит на крыльце. В одной руке у него деньги, в другой – старосельский документ. Игорь вытянул губы⁶⁷ и *прошептал*:

---

⁶⁷ В оригинале «рот».

– Родители, может, прислали...

На душе у Игоря радостно. Над площадью бродят праздничные облака, станционный палисадник дышит полной грудью и собирается нарядиться в зелень. У стены вокзала сидят крестьяне и с удовольствием ждут поезда. Подальше над своей подставкой сидит Ваня Гальченко и смотрит в сторону Игоря. Игорь отделил белую кредитку и положил в наружный карман пиджака. Остальные деньги аккуратно задвинул подальше, – есть такой карман у самого голого тела. Он направился к Ване:

– Приветствую тебя, труженик!

Ваня поднял к Игорю улыбающееся лицо. Игорь достал из наружного кармана белый кредитный билет, встряхнул им в воздухе, торжественно сказал:

– Вот тебе, мальчик, за то, что помог мне в тяжелую минуту.

Ваня испуганно вскочил⁶⁸ с большого серого камня, на котором сидел. Его глаза⁶⁹ удивленно заострились. Он осторожно взял бумажку.

– *Ого! Это десять рублей. Ой, ой, ой!*

Игорь, улыбаясь, наблюдал: на деньги Ваня сначала смотрел серьезно, потом серьезно-недоверчиво, потом поднял на Игоря лукаво-понимающие глаза:

– А теперь какая минута?

– Теперь такая минута, что ты можешь купить себе гуталина – желтого, красного, зеленого и оранжевого.

Ваня радостно взвизгнул:

– А для чего зеленого?

– Ну, представь себе такой случай: подходит к тебе крокодил.

Ваня пришел в восторг:

– Крокодил? И говорит: пожалуйста, у вас есть зеленая?

– Ну да. А ты отвечаешь: «А как же...»

– А почему так: то не было денег, а то сколько денег!

Ваня смотрел на Игоря серьезно, но в его внимательных серых глазах плясали настороженные веселые точки.

Игорь ответил несколько в нос:

– Чудак. Всегда так бывает: нет денег, а потом есть. И у тебя так: сначала не было, а теперь – десять рублей.

– *А где ты взял? Получку получил, да?*

– Нет, это бабушка узнала, что я в тяжелом положении, и прислала мне сто рублей.

– Сто рублей?

Игорь громко смеется. Смеется и Ваня. Но чрезвычайно дельный вопрос приходит ему в голову:

– У бабушки не может быть ста рублей. Бабушка ведь не работает. Это, наверное, дедушка?

– Пускай дедушка. Только знаешь что? Давай о родственниках после поговорим. А сейчас купим шамовки и подумаем, как нам добраться до города Лондона.

Ваня не стал спрашивать и удивляться. Он деловым движением, напрягая губы, сложил десятку и спрятал в карман. Потом расставил ноги в коротких штанишках и в исправных ботинках, пошевелил пальцами и бросил на свое производство взгляд сверху. Быстро присел, сложил в ящик щетки и коробки, прихлопнул крышку, взялся за ремень.

И вот ящик постукивает у Ваниного бока. Идя рядом с Игорем, Ваня спрашивает лукаво:

– *А если я не хочу в... Лондон. А хочу... в Сен-Франциско?*

---

⁶⁸ В оригинале «подскочил».

⁶⁹ В оригинале «глазенки».

– В Сан-Франциско? С удовольствием, – ответил Игорь, – хороший город.

4

Оригинальные приключения Рыжикова

Пирожки были сочные и вкусные, но одним движением челюстей они превращались в нежный невесомый комок, который проглатывался почти без ощущения, – только аппетит просыпался по-настоящему.

На угрюмом лице Рыжикова это отразилось усиленным блеском глаз и острой внимательностью ко всему окружающему.

У кассы стояла очередь. Окно кассира было еще закрыто, но перед окном собралось уже человек двадцать. *Некоторые фигуры заслуживали внимания Рыжикова:*

Это была опасная провинциальная очередь тех лет – все скромные, трезвые, бедные люди. Самым выдающимся лицом в очереди был невысокого роста человек в зимней бекеше, воротник и карманы которой были обшиты серым барашком. Но за ним стояла обозленного вида худая женщина из тех, которые дрожат за свое место в очереди, как будто в этом месте уж такое большое счастье. За нею *стояли* тоже женщины, и все простого звания. Деньги они зарыли под юбки или за пазухи, да и какие у них деньги? У черненькой аккуратной девчонки деньги зажаты в кулаке, крепко держит, *видно, как напрягаются мускулы.*

Эта станция и эта очередь плохо приспособлены для удачной операции. Люди здесь осторожные, деньги у них небольшие⁷⁰, и за деньги они держатся обеими руками. И лица у них скучные: билетов здесь на всех хватает, никто не волнуется и не может забыть о своих деньгах.

Рыжиков вспоминает вокзал большого города. Правда, там есть неудобства: милиционеры, стрелки и другие строгости. Каким-то чудом, невзирая на деловую походку Гришки и его пассажирскую физиономию, они умеют узнавать самые сокровенные мысли и даже документов не спрашивают, а говорят просто:

– Ну, молодой человек, пойдем со мной!

Зато какой там пассажир – в большом городе! Какие там волнения, какие чувства, сколько там настоящей жизни! Целый день человек бродит между кассовыми окошками, торчит перед справочным бюро, расспрашивает носильщиков, пассажиров. Целые ночи просиживает на вокзале. Кто попроще, раскладывается на полу и спит так крепко, что не только деньги, душу можно вытащить незаметно. Кто покультурнее, те, конечно, не спят, те бродят, мечтают... Билеты там покупаются дорогие, далекие, в карманах покоятся бумажники, черные, коричневые, пухлые.

Кто может быть счастливее человека, только что получившего билет в вокзальной кассе? Он стоял в очереди, он ссорился с ее нарушителями, он трепетал, ожидая, что не хватит билетов, он жадно прислушивался к невероятным разговорам и слухам. И вот он, радостный, еще не веря своему счастью, бредет в толпе по вокзальному залу и читает билет дрожащими глазами, он забыл обо всем: о жене, о начальнике, о своем чемодане, о своем бумажнике, который так берег в очереди...

Рыжиков вдруг оживился. За последней женщиной стал в очередь *заросший* волосатый мужчина в стареньком пиджаке. Сапоги у него хорошие – вытяжки, на шее шарф зеленого цвета, а брючной карман приятно рисуется⁷¹ точным, хорошего размера прямоугольником.

Рыжиков не спеша направился к очереди и стал за пиджаком. Внимательно присматриваясь к какой-то рекламе, он повернулся к пиджаку боком, и в следующий момент его два пальца ощутили бугристый угол бумажника. Гришка потянул вверх, бумажник неслышно пошел, еще

---

⁷⁰ В оригинале «малые».

⁷¹ В оригинале «отдает».

мгновение и... шершавая лапа жадно ухватила руку Рыжикова, и против его глаз очутилось испуганно-перекошенное лицо:

– Ах ты, сволочь какая! Ну, что ты скажешь!

Рыжиков рванулся в сторону – неудачно. Он *тоже* закричал общепринятым обиженно-угрожающим голосом:

– Чего ты пристал? Смотри!

– Где я эту руку поймал?

– Чего ты хватаешь?

– Нет, стой, голубчик!

Неожиданным, резким движением Гришка выдернул⁷² руку и бросился к двери на перрон. Через платформу и ближайшие пути он перемахнул, почти не касаясь земли, и нырнул под товарный состав. Под другой. Присел, оглянулся. На перроне топталось несколько человек. Плеч и голов он не видел, но сразу узнал вытяжки, а рядом с ними полы серой шинели и блестящие узкие сапоги. Услышал тот же взволнованный голос:

– Ах ты, какой бандюга!

Шинельный подол пошел волнами, и начищенные сапоги двинулись вперед, спрыгнули с перрона. Рыжиков, мелькая тапочками, побежал вдоль товарных составов к стрелкам. На душе у него было тяжело, но зато аппетит прошел⁷³.

5

Завтрак в саду

В руках у Игоря две французские булки, колбаса и банка варенья. Еще на вокзале он сказал Ване:

– Здесь все пропитано железнодорожными бактериями. Давай лучше позавтракаем в саду. Там есть такая миленькая скамеечка.

Но, войдя в палисадник, они увидели на миленькой скамеечке Ванду Стадницкую. Она сидела, положив голову на руку, вытянутую по спинке скамейки, *смотрела на небо и мечтала*. Игорь воскликнул:

– О! Это купе занято!

Он на носках обошел мечтательную фигуру Ванды, сначала подозрительно покосился на калоши, надетые на босу ногу, но когда очутился против ее открытых серых глаз, обратился к ней серьезно, без улыбки:

– Мадемуазель, вы разрешите позавтракать в вашем присутствии?

Его учтиво склоненная фигура, застегнутый до воротника пиджак и ярко начищенные ботинки произвели на Ванду приятное впечатление. Грустная *и мечтательная*, она все же разрешила себе привычно-кокетливую ужимку и даже чуть-чуть улыбнулась:

– Пожалуйста!

Игорь со сдержанным оживлением сказал:

– Мерси.

Ванда удивленно оглядела мальчиков и подвинулась на край скамейки. Облака перестали ее занимать, она занялась более прозаическим пейзажем привокзальной площади. Игорь быстро разложил на скамейке закуску, уселся на другом коне. Ваня прогремел ящиком, поставил его на землю, уселся за скамейкой, как за столом, сводя плечи в предвкушении завтрака. Игорь разрезал колбасу и спросил:

– Ваня! А как мы будем варенье есть? Пальцами?

---

⁷² В оригинале «вывернул свою».

⁷³ В оригинале «пропал».

Ваня завертел головой, оглядел палисадник:

– А мы... такие... ложечки сделаем... из дерева. Ножиком.

– У вас нет ложечки, миледи? – обратился Игорь к Ванде.

Он произнес это чрезвычайно вежливо, таким тоном, каким пользуются только самые изысканные путешественники, обращаясь друг к другу в купе международного вагона. У Ванды блеснули глаза от удовольствия, но, во-первых, очевидно было для самого неиспытанного глаза, что у нее нет никаких вещей, – она имела вид пассажира без багажа, во-вторых, от колбасы исходил чарующий запах. Ванда проглотила слюну и ответила с жеманной обидой:

– Ну что вы? Какие у меня ложечки?

– Серебряные, – приветливо пояснил Игорь.

Ванда ничего не ответила, снова протянула руку по спинке скамейки, обратилась к облакам. Но в ее глазах уже нет прежней грустной мечтательности.

Ваня держит в руке половину французской булки, он решительным рывком головы откусывает от нее большие куски, а колбасу берет с бумажки осторожно двумя грязными пальцами. Прodelывая все это, он то и дело поглядывает на Ванду. Он не замечает ни ее босых грязных ног, ни безобразной копны волос. Он видит только ее нежную розовую щеку, наружный уголок глаза, выгнутые темные ресницы.

От своего куса булки Ваня отломил горбушку, положил на нее два ломтика колбасы, протянул Ванде. Ванда не заметила этого, и Ваня вопросительно посмотрел на Игоря. Игорь ест с увлечением, работает руками, зубами, ножиком. Но быстро между делом, он кивает Ване в знак одобрения и свободной рукой треплет его по плечу. Ваня, немного поколебавшись, легонько прикоснулся к колену соседки. Она повернула к нему голову, хотела улыбнуться кокетливо, но не вышло – улыбнулась просто, благородно и не спеша начала есть, отщипывая булку мелкими кусочками. Все это произошло в полном молчании. Покончив с нарезанной колбасой и принимаясь снова резать, Игорь спросил деловито, не глядя на Ванду:

– Вы куда едете, синьорита?

Ванда отвернулась к вокзалу, перестала жевать и сказала скучливо:

– Я не знаю.

Ваня громко захохотал.

– Как так не знаешь? А мы знаем! Мы едем в Сан-Франциско!

– Это далеко? – спросила Ванда из вежливости.

Ваня раскатился смехом еще сильнее.

– Четвертая остановка, – ответил Игорь.

– Не четвертая, а шестая.

– Ну, шестая.

– Поедем с нами, – предложил Ваня весело, поворачиваясь к Ванде на своем ящике. –

Поедем? Тебя как зовут?

– Ванда.

– О! Вот это да!⁷⁴ Ванда!

– Это польское имя.

– Поедем! Там у него дедушка и бабушка, – Ваня иронически сверкал глазами и следил за Игорем, принимающим его иронию с дружеским добродушием.

Но Ванда почему-то ничего не ответила на буйную радость Вани. Она положила на скамью недоеденный кусок булки, сказала почти растерянно, опираясь руками на край скамьи:

– Я не знаю... куда поехать⁷⁵...

---

⁷⁴ В оригинале «Какое имя!»

⁷⁵ В оригинале «Мне некуда ехать».

Игорь пристально глянул на нее и занялся банкой с вареньем. Оживление Вани вдруг исчезло. Он с недоумением присмотрелся к Ванде, глянул на Игоря, как будто в выражении его лица искал ответа. Игорь замычал какую-то песенку, поставил банку на скамью и сказал строго:

– Ты, Ванда, поедешь с нами, а там видно будет.

Вот теперь Ваня все понял. *Он взял Ванду за руку, и она ответила ему чуть слышным пожатием, но на Игоря посмотрела испуганно*⁷⁶:

– Я не знаю...

– Ты не знаешь, а я знаю. Сейчас придет поезд, – сядем в купе, все обсудим.

Ваня воззрился на Игоря: какое купе? Ванда покорно ответила тонким шепотом, немного срывающимся на стон⁷⁷:

– Хорошо.

В этот момент из-за кустов выглянул Рыжиков. Оглядел компанию, выдвинулся вперед, остановился, тупо засмотрелся на еду. Ванда метнула в Рыжикова ненавидящий взгляд. Игорь засмеялся:

– У тебя неприятности⁷⁸, Рыжиков?

Рыжиков ничего не ответил.

– Ешь, – предложил Игорь, – я всегда говорил: воровское дело самое невыгодное. Тебя сегодня били? Я видел, как ты засыпался.

– Убежал, – прохрипел Рыжиков и принялся за еду.

– И то счастье! Это ужасно глупо. У каждого человека две руки, и каждый старается схватить тебя руками, – Игорь брезгливо вздрогнул, – это глупо! Надо так делать, как я.

– Бабушка, да? – спросил Ваня...

– Бабушка – почта. Присылает тебе записочку: дорогой Игорь, будьте добры, придите, пожалуйста, и, ради Бога, возьмите сто рублей. А если не придешь – вторая записочка: какое безобразие, почему вы не берете сто рублей? Пожалуйста, возьмите.

Рыжиков отвернулся обиженно:

– Записочку... *Тебе хорошо говорить*⁷⁹, когда ты грамотный.

– А если ты неграмотный – иди работать. А то – в карман! Что может быть глупее?

– А я вот грамотный, а буду работать, – зашищал Ваня и поднял руку вверх.

– Во! Работник! Откуда ты такой? – Рыжиков мазнул Ваню рукой по губам. Ваня вскочил с подставки, вытер губы, гневно посмотрел на Рыжикова. Ванда задумалась над чем-то своим. Игорь запустил кусок булки в банку с вареньем:

– Работать – это тоже не плохо. Многие одобряют.

6

В купе

Через степь бежит длинный товарный поезд. На одной из платформ стоит накрытый брезентом трактор. На краю брезента, спускающегося с трактора, спит Ванда, свернувшись калачиком. Игорь Чернявин сидит около ее ног, обнял руками свои колени и рассеянным взглядом посматривает по сторонам. Рыжиков, расставив ноги в тапочках, стоит против него. Ваня спустил ноги с платформы и *мирно* любитесь степью, широкой дорогой, ползущей рядом, курганами на горизонте, первой весенней зеленью.

---

⁷⁶ Редакторская правка: «Но Ванда посмотрела на Игоря испуганно:».

⁷⁷ Редакторская правка: «замолчала».

⁷⁸ В оригинале «неудача».

⁷⁹ Редакторская правка «конечно».

Выехали вчера вечером, долго укладывались спать, было холодно. Потом залезли под брезент, копошились там и ежились, наконец заснули. Под брезентом еще и тем хорошо, что на остановках ничьи любопытные взгляды не беспокоили пассажиров и никто не мешал спать. Игорь Чернявин, засыпая, сказал:

– Это самое лучшее купе, никакой давки и тесноты, свежий воздух и никто не говорит глупостей: предъявите ваши билеты!

Утром проснулись рано и вылезли из-под брезента в хорошем настроении. Только на больших станциях снова пользовались его гостеприимством, но уже не в качестве спального места, а исключительно для того, чтобы не волновать поездной прислуги. А потом Ванде захотелось поспать на солнышке.

Рыжиков молчал, молчал, наконец спросил:

– Зачем *ты* Ванду потащил в город?

– А тебе какое дело? – Игорь прищурил на Рыжикова глаза, может быть, потому, что из-за Рыжикова над крышей соседнего вагона поднималось чистое, словно умытое, солнце.

– Значит, есть дело.

– В городе что-нибудь найдем. Работу или что...

– Ты не хочешь работать, а ей нужно?

Рыжиков сказал это в упор, он лез в ссору.

– А ей нужно, – спокойно сказал Игорь, отвернулся от Рыжикова и покровительственно посмотрел на Ванду⁸⁰.

С края платформы убежденно-весело отозвался Ваня:

– Люди все работают. Кругом все работают.

Он медленным, круглым движением показал на стеньгу. На далеком поле, действительно, что-то делали люди, разобрать было трудно, только яркими пятнами играли на солнце белые рубахи.

Рыжиков сказал, глядя туда:

– Ну и пусть! Наплевать на твоих людей.

Ваня поднял лицо, приоткрыл зубки, присмотрелся к Рыжикову улыбающимися глазами, протянул:

– И никто не крадет.

Рыжиков закричал на Ваню:

– Ты, пацан, замри⁸¹, пока в рожу не схватил⁸²! *Много ты понимаешь!*

Ванины зубки так и остались открытыми, но глаза потеряли улыбку, насторожились.

– А за что?

Игорь произнес в нос:

– Меся, в рожу можете только с моего письменного разрешения.

Рыжиков медленно навел на Игоря через плечо угрюмо-угрожающие глаза:

– С твоего разрешения?

– И притом письменного... Подайте мне заявление...

– Какое заявление?

– О том, что вы желаете заехать мне в рожу.

Рыжиков оживился, направился к Ване:

– Интересно! Интересно, как выйдет без разрешения.

Ваня испуганно стрельнул взглядом, быстро на руках вскочил, бросился к Игорю. Рыжиков протянул руку, чтобы поймать Ваню, но как-то так случилось, что Игорь стал между ними.

---

⁸⁰ Далее редакторская правка «– Люди все работают, – с края платформы отозвался Ваня».

⁸¹ В оригинале «замолчи».

⁸² В оригинале «не дал».

Рыжиков не успел даже бросить на Игоря презрительный взгляд, не успел протянуть руку для защиты. Стремительный кулак Игоря Чернявина направился как будто в лицо Рыжикова, но с ног его повалил неожиданный удар в живот. Рыжиков свалился прямо на спящую Ванду. Ванда проснулась, вскрикнула в испуге:

– Ой! Что такое? Чего ты?

Игорь спокойно улыбнулся:

– Не беспокойтесь! Рыжиков спать хочет. Уступите спальное место. *Ваня выглядывал из-за спины Игоря и серьезно, внимательно присматривался к Рыжикову:*

– *Как ты его ударил?*

Ванда брезгливо обернулась к Рыжикову, но сейчас же и улыбнулась: вид скривившегося Рыжикова, очевидно, ей понравился.

– Ты его побил, *да?* За что?

Рыжиков приподнялся на локте, выпятил толстые губы. Рыжие космы в беспорядке спадали на лоб, почти закрывая наглые зеленые глаза.

– Ты чего скалишься? Он за тебя заступаться не будет⁸³.

Заложив руки за спину, Ванда покачала головой:

– А может, и будет!

– *Смотри, Ванда!*⁸⁴ – Рыжиков вскочил на ноги, сжал кулаки.

Игорь улыбнулся, положил руку на плечо Вани, сказал в сторону, почти нехотя, скучно:

– Имейте в виду, сэр, в этом купе вы пальцем никого не тронете.

Рыжиков засунул руки в карманы, ухмыльнулся:

– Ты, наверное, не знаешь, кто она такая?

Игорь посмотрел на Рыжикова удивленно:

– А что такое?

– Ты, может, думаешь, *что* она *вот* такая барышня? Сказать, какая ты есть?

Ванда, ненавидяще, наморищила красные, припухшие от сна, губы...

– Пошел ты к черту! Жаба! Ну и говори! Все вы – сволочи!

Рыжиков обрадовался:

– Ха! Она же проститутка! Понимаешь, какое дельце?

Ваня вытянул к Игорю вдруг заострившееся лицо:

– *Что? Что?*

Ванда медленно пошла к краю платформы, подняла воротник жакета, втянула в воротник востроухую голову. Игорь, *гневный*, двинулся к Рыжикову, но Рыжиков захохотал и, ловко перепрыгнув на другую сторону платформы, спрятался за трактором. *Игорь звонко сказал ему вслед:* – *Там и сиди, покажешь нос, выкину на шпалы.*

Ваня еле успевал следить за происходящим⁸⁵. *Он бросился, было, посмотреть, что делает Рыжиков, но передумал, подошел к Ванде, осторожно прикоснулся к ее локтю:*

– *Ванда, что он такое сказал? Как это?*

Игорь легонько оттолкнул Ваню. Глядя в пол платформы, он спросил:

– *Он правду сказал?*

Ванда быстро повернулась, ответила с прежней ненавистью⁸⁶:

– *Ну, и пусть правду! А тебе какое дело? Может, поухаживать хочешь?*

Игорь покраснел, скривил рот, отвел глаза от жадного взгляда Вани Гальченко.

– Да... нет! А только... сколько ж тебе лет?

---

⁸³ В оригинале «– Ты чего зубы показываешь? Он тебя защищать не будет».

⁸⁴ Редакторская правка «Ты...»

⁸⁵ Далее редакторская правка «Игорь подошел к Ванде. Глядя в пол платформы, спросил: – Верно?»

⁸⁶ Далее редакторская правка «Ну и что ж, верно! А тебе какое дело?»

Ванда кокетливо повела головой, чуть-чуть, через плечо, задела взглядом Игоря:
– Ну и что ж? Пятнадцать.

Игорь почесал медленно затылок, грустно улыбнулся и сказал:

– Хорошо... Больше ничего, синьора, вы свободны.

Ванда внимательно посмотрела на Игоря, но он не заметил этого.

Она тронулась с места, неслышно, медленно прошла к брезенту, зябко вытягивая голову в воротник, *медленно* опустилась на брезент и тихонько улеглась, отвернувшись к трактору.

Игорь, *тихо* насвистывая, загляделся на степь. Далеко впереди встали из-за пологих холмов белые верхи зданий. Над ними нависло солнце. *Оно своим хорошим, щедрым светом зали- вает землю, яркие, только что родившиеся, невинные, не знающие пыли озими, черные отвалы только что поднятых паров. Даже одичавший прошлогодний ток с бесформенными кучами грязной соломы, и тот молодился под солнцем.*

Промелькнула внизу босоногая команда девушек, ноги у них были еще белые, не заго- ревшие. Одна из девушек что-то крикнула Игорю, другие засмеялись. Игорь проводил их скуч- ным взглядом, отвернулся. Ваня взглянул на Ванду, осторожно прислушался к Рыжикову за трактором, стал рядом с Игорем, поднялся на носки, спросил шепотом:

– А кто это... проститутка? Скажи?⁸⁷

Игорь ответил сурово, не глядя на Ваню:

– Малый ты еще... А только это... хуже всего, понимаешь?⁸⁸

Ваня с испугом оглянулся на Ванду, подался вперед, но платформу сильно качнуло на стрелках.

– Приехали, – сказал Игорь.

Через многочисленные стрелки, мимо мелькающих просветов товарных составов поезд забирал вправо, быстро проходя пассажирскую станцию. Над крышами стоявших вагонов про- плыли надстройка вокзала и длинные выпуклые кровли перронов. Поезд выскочил на узкую насыпь, которая правильной кривой огибала неожиданно широкий луг у самого края города. *За лугом грелись на солнце соломенные крыши белых хат. Но снова стрелки дернули поезд, и он более осторожно начал вытягиваться в широкую сеть товарных путей. Хат уже не было, на горе стояли и смотрели на поезд красные, серые, розовые дома города. Ваня сказал:*

– Сан-Франциско? Да!

Ванда зашевелилась на своем брезенте, села, отвернула лицо к городу. *Игорь ничего не ответил.* Поезд вошел в узкую длинную перспективу других товарных поездов, очень мед- ленно продвигался между ними.

Игорь задумался, глядя на проплывающую замасленную поверхность станионного полотна.

Сзади него что-то глухо стукнуло. Игорь быстро обернулся. На их платформе стоял, выпрямляясь⁸⁹ после трудного прыжка и внимательно разглядывая их⁹⁰, стрелок железнодо- рожной охраны. Ванда неслышной тенью слетела с платформы.

– Это ты – Игорь Чернявин?

– Я.

– Ага! Тут у нас телеграмма... Ты получил сто рублей по подложному переводу?

Игорь влепил в стрелка восхищенным взглядом:

– Ой, и народ же быстрый! Получил, представьте! Я отказывался, понимаете...

Стрелок *грустно* ухмыльнулся, кивнул:

---

⁸⁷ Редакторская правка «Она плачет?»

⁸⁸ Редакторская правка «Неважно!»

⁸⁹ В оригинале «заканчивая присядку».

⁹⁰ В оригинале «его».

– Идем.
Игорь почесал нос:
– Ах ты, черт! Жалко, Ванька, с тобой расставаться. Хороший ты человек! И Ванда...
Вы понимаете, товарищ стрелок, некогда мне.
Ваня растерялся:
– А... куда ты?
– Я? Именем закона... арестован.
– За что?
– За бабушку *страдаю*.
Ваня вдруг понял:
– *Так тебя в тюрьму? Да?*
– Идем, идем, – повторил стрелок и тронул Игоря за плечо.
Игорь взялся за борт платформы, готовясь спрыгнуть. Оглянулся на Ваню:
– А ты, Ванюшка, иди в колонию. Здесь, говорят, приличная. Имени Первого мая.
Он спрыгнул. За ним спрыгнул стрелок. Опершись руками о колени, Ваня смотрел им вслед. Он еще не мог вместить в себя это горе.
Из-за трактора вышел Рыжиков. Он улыбнулся злорадно *и играл*:
– Будьте добры! Присылают записочку: дорогой Игорь, пожалуйста, возьмите сто рублей!
Чистая работа! А Ванда где?
Ваня ответил испуганно:
– Не знаю.

7

На своей улице

– Куда ты пойдешь? – спросил Рыжиков, когда они подошли к остановке трамвая возле товарной станции.
Улица здесь была булыжная, *изношенная*, покрытая угольной пылью. *Большое грузовое движение грохотало по ней*. Из-под копыт и колес поднималось видимо-невидимо воробьев. У трамвайной остановки стояла очередь. У многих людей ботинки требовали чистки. Ваня не успел ответить: к нему подошел человек в форменной тужурке. Он добродушно кивнул к забору:
– Почистишь, что ли?
– Вам черной?
– Черной, а какой же? *Вот спасибо*, а то к начальству нужно, а ботинки...
Ваня *присмотрелся к заборчику, там⁹¹ сесть* было не на чем. Подальше он увидел старое деревянное крыльцо.
– *На ступеньках? Хорошо?*
Человек, собирающийся к начальству, молча кивнул. Ваня побежал вперед, чтобы все приготовить. Когда клиент подошел, Ваня уже набирал мазь на одну из щеток...
– Э, нет, *улыбнулся клиент*, ты раньше пыль убери.
Ваня *покраснел и приступил к работе*. Рыжиков уселся повыше на том же крыльце и молча рассматривал улицу.
– Сколько тебе?
– Десять копеек.
– А сдача у тебя есть? С пятнадцати?
Ваня полез в карман. У него оказалось только четыре гривенника.

---

⁹¹ Редакторская правка «осмотрелся».

– Не рассчитаемся так. Ну, Бог с тобой, бери лишний пятак, *ты парень, видно, не плохой*.⁹²

Ваня взял монету, улыбнулся.

– *А я вам завтра почищу.*

– *Ишь ты какой? Ты думаешь, я у тебя каждый день буду красоту наводить?*

Не успел клиент отойти, подошла девушка, попросила почистить туфли, потом – красноармеец. Красноармеец спросил:

– Сколько будет стоить, если вот сапоги?

Перед красноармейцем Ваня оробел. Он еще ни разу не чистил сапоги красноармейцам и не знал, сколько это стоит. *Кроме того, почему-то ему стыдно было брать деньги с красноармейца.* Ваня поперхнулся и произнес несмело:

– Де... десять копеек.

– Вот еще дурак, – прошептал Рыжиков, но красноармеец обрадовался, поставил ногу на подставку:

– Дешево берешь, малыш, дешево. У нас везде за сапоги двадцать копеек.

Ни тому, ни другому Ваня ничего не сказал. Он с большой охотой приступил к работе. Сначала смел пыль, потом основательно, долго намазывал сапог гуталином. Он забыл, правда, спросить: «Вам черной?» Работал он сильно, действовал глазами, бровями и даже языком. Быстро чистить двумя щетками он еще не умел, одна щетка вырвалась у него из рук и далеко отлетела. Рыжиков громко захохотал, но щетки не поднял. Ваня сам, кряхтя, поднялся и побежал за щеткой.

Красноармеец дал Ване гривенник и сказал:

– *Спасибо тебе*⁹³. *Дешево почистил, и блестит хорошо.*

Он ушел, поглядывая на сапоги. У Вани заболели руки и спина, но было приятно, что красноармеец его поблагодарил. Опершись на локти, Ваня молча рассматривал улицу.

Дома на улице все были одинаковые, кирпичные, запыленные, двухэтажные. Между ними стояли короткие заборы, а в заборах ворота. Почти у всех ворот стояли скамейки, на скамейках сидели люди и грызли семечки. Ваня вспомнил, что завтра воскресенье. *От этого стало как-то приятнее.* По кирпичным тротуарам проходили люди по двое, по трое и разговаривали негромко.

Сзади открылась дверь, и скрипучий, неприятный голос спросил:

– А вам чего здесь нужно? Беспризорные?

Ваня вскочил и оглянулся. Лениво поднялся и Рыжиков. В открытых дверях стоял человек высокий, худой, с седыми усами:

– Беспризорные?

– Нет, не непризорные.

– Чистильщик? Ага? А резиновые набойки у тебя есть?

В ящике у Вани было только две щетки и две банки черной мази. Ваня развел руками:

– *Нет!* Резиновых набоек нет!

– Хо! Чистильщик! Какой ты чистильщик! Ну, допустим! А этот чего?

Рыжиков недовольно отвернулся.

– Чего ты здесь? Ночи ожидаешь?

Рыжиков прохрипел еще более недовольно:

– Да никакой ночи... Вот... знакомого встретил.

– А... знакомого!

---

⁹² Редакторская правка «– сказал клиент».

⁹³ Редакторская правка «– Молодец.»

Старик запер дверь на ключ, спустился по ступенькам. Ткнул узловатым пальцем *в направлении Вани*:

– *Этот, видно, трудящийся. А ты – марш отсюда. Вижу, какой знакомый. Ты убирайся.*

– Да я сейчас пойду. Что, и на улице нельзя остановиться? Ты, что ли, такие порядки выдумал?⁹⁴ – Рыжиков чувствовал свою юридическую правоту, поэтому обижался все больше и больше.

Старик усмехнулся:

– Плохие здесь порядки, *а поэтому уходи*, иди туда, где хорошие порядки. Я вот только в лавочку. Пока вернусь, чтоб тебя тут не было.

Он отправился по улице. Рыжиков проводил его обиженными глазами и, снова усаживаясь на крыльце, прогудел почти со слезами:

– Придирается! «Ночи ожидаешь»!

К ним подошел молодой человек и радостным голосом воскликнул:

– Какой прогресс! На нашей улице чистильщик! Да какой симпатичный! Здравствуй!

– Вам черной? – спросил Ваня.

– Черной! Ты всегда здесь будешь чистить?

Набирая мазь. Ваня серьезно повел плечами и сказал с небольшим затруднением:

– *Да, я всегда здесь буду чистить.*⁹⁵

Этот клиент не спросил, сколько нужно платить, а без всяких разговоров протянул Ване пятнадцать копеек.

Ваня пропихнул:

– Так сдачи нет.

– Ничего, ничего, я всегда буду платить тебе пятнадцать копеек. Мне только надо побыстрее.

Ваня опустил деньги в карман и снова начал рассматривать улицу. Приближался вечер, от этого на улице стало *как-то уютнее* и как будто чище. Ваню очень интересовал трамвай. Он много слышал об этой штуке, но никогда ее не видел, и теперь ему хотелось залезть в вагон и куда-нибудь поехать. Настроение у него было хорошее. *Улица казалась своей, люди казались хорошими*, а в душе разгоралась маленькая гордость: все проходят и видят, что на крыльце сидит Ваня и может почистить ботинки.

Рыжиков сказал:

– Ваня, знаешь что? Ты мне дай пятьдесят копеек, ладно⁹⁶? А я тебе завтра отдам.

– А где *ты завтра* возьмешь?

– *Чего это?*

– *Где ты возьмешь пятьдесят копеек?*

– Это я уже знаю, где возьму. Надо пойти пошамать.

Ваня вдруг почувствовал *страшный* голод. Еще утром они съели на платформе остатки вчерашнего ужина.

– Пятьдесят копеек? А у меня есть сколько? У меня есть девяносто копеек. А, я и забыл про те деньги!

– Какие «те»?

– А мне Игорь дал... *Только это...* бабушкины.

Вася развернул бумажку, посмотрел на нее грустно и спрятал обратно. – *А теперь его повели в тюрьму.*

– Так дай пятьдесят копеек. Видал, сколько у тебя денег!

---

⁹⁴ В оригинале «Такие порядки, да? Такие порядки?»

⁹⁵ Редакторская правка «Всегда...»

⁹⁶ В оригинале «хорошо».

– Те нельзя *тратить*, – сказал Ваня и дал ему сорок пять копеек, поделив пополам имевшуюся наличность⁹⁷.

Рыжиков взял деньги:

– А ночевать... я приду.

Ваня с тоской вспомнил: нужно еще ночевать. Почему-то мысль об этой необходимости до сих пор ему не приходила в голову. Он даже растерялся:

– А где ночевать?

– *Ты не думай*. Найдем.

– *На земле?*

Рыжиков понюхал воздух, посмотрел на небо, на мостовую:

– *Можно и на земле. Ты здесь посиди, а я пойду. Если бы солома или сено какое-нибудь.*

А то здесь на вокзале не позволяют. *Ты посиди, а я поищу.*

Рыжиков деловой походкой направился вдоль по улице. Ваня снова опустился на ступеньки и загрустил. Солнце зашло за дома. Мимо Вани проходили люди, и никто не смотрел на него. На противоположном тротуаре шумела стайка детей, голос балованной девочки сказал громко:

– А вон сидит маленький чистильщик.

Еще одна девочка загляделась на Ваню, но потом кто-то ее дернул, она засмеялась и побежала к калитке. Голос взрослой женщины сказал:

– Варя, твой суп простынет. Я тебе второй раз говорю.

И балованная девочка запела:

– Первый, первый, первый!

Ваня подпер голову кулаком и посмотрел в другую сторону улицы. По ней возвращался усатый хозяин⁹⁸.

– Сидишь? – сказал он. – А тот где?

– Ушел, – ответил Ваня.

– *Ну и хорошо, что ушел*. Да и тебе пора домой, никто больше чистить не будет. Только ты мне завтра резиновые набойки принеси.

Ваня спросил:

– А далеко отсюда лавочка?

– А тебе зачем? Покупать что будешь? Папиросы, наверное?

– Нет, не папиросы. А где она?

– Да вот тут за углом сразу.

Ваня сложил щетки и коробки, поднял ящик и отправился в лавочку. *Он шел один по «своей» улице, и так ему было досадно, что нельзя больше чистить людям ботинки, а нужно думать, где ночевать.*

8

Ночь⁹⁹

Заночевали *действительно* в соломе, и оказалось, что это вовсе не далеко. Нужно по той же улице пройти два квартала, перейти через переезд, потом еще немного пройти, а там уже начиналось поле. Может быть, и не настоящее поле, потому что впереди было еще несколько огоньков, но здесь, за последним домом, было просторно, шуршала под ногами трава, а чуть

---

⁹⁷ В оригинале «– Я тебе дам сорок пять копеек. Тебе сорок пять копеек и мне сорок пять копеек. Хорошо?»

⁹⁸ В оригинале «дедушка».

⁹⁹ Первоначальное название «Только одна слеза».

в стороне стояла эта самая солома. Вероятно, она стояла на пригорке¹⁰⁰, потому что отсюда хорошо был виден горящий огнями город. Совсем близко, на переезде, один фонарь горел очень ярко и сильно бил в глаза.

Ваня неохотно шел ночевать. Когда позади¹⁰¹ осталась последняя хата, он пожалел, что не поискал ночлега в городе. Но Рыжиков брел уверенно, заложив руки в карманы, посвистывая.

– Вот здесь, – сказал он. – Нагребем соломы, тепло будет. И к городу близко.

Ваня опустил ящик на землю, и не захотелось ему *сразу* ложиться спать. Он начал рассматривать город. Было очень приятно смотреть на него. Впереди огни рассыпались по широкой площади, и было их очень много. Они казались то насыпанными в беспорядке, то обнаруживались в их толпе определенные линии. Выходило так, как будто они играют. Подальше начинался ряд больших домов, и во всех домах *все* окна горели, *только* разными цветами: желтыми, зелеными, ярко-красными.

– Отчего это? – спросил Ваня. – То такие, а то такие... окна?

– Чего это? – спросил Рыжиков, наклонившись к соломе на земле.

– Окна отчего такие? Разные?

– А это у кого какая лампа. Колпаки такие, абажуры. Это женщины любят: то красный абажур, то зеленый.

– Это богатые?

– И богатые, и бедные. Это из бумаги можно сделать. Бывает, абажур такой висит, а больше ничего и нет. И взять нечего. Только голову морочат, *и все...*

– Украсть? – спросил Ваня.

– У нас не говорят «украсть», а говорят «взять». *Ты еще не привык.*

– *Я не хочу привыкать. Я и завтра пойду чистить. А потом пойду к этому... к Первому мая.*

– И там можно кое-что взять. Если умно.

– А зачем?

– Ну и глупый ты! Совсем глупый! Как это «зачем»?

– Пойти туда жить, а потом взять?

– А как же?

– А потом в тюрьму?

– Это пускай поймают!

– А Игоря поймали.

– Потому что дурак. На почту лазит. Да ему все равно ничего не будет: несовершеннолетний.

– *А я буду работать. Все равно буду работать.*

Рыжиков гребнул еще раз солому из стога, *помял ее ногами, растянулся*.¹⁰²

– *Кто работает, тот еще скорей пропадет. Думаешь работать – это легко?*

– *А зачем Советская власть? Зачем, если не работать?*

– *Понес – Советская власть. В Советской власти тоже понимать нужно. Ей, конечно, выгоднее, чтобы все работали, она и заставляет.*

– *Кому это выгоднее?*

---

¹⁰⁰ В оригинале «на горбике».

¹⁰¹ В оригинале «за ними».

¹⁰² Вариант диалога: «– Несовершеннолетний! Считается, что он, значит, ничего не понимает. Чудаки там... сидят...– А где они сидят?– Кто?– А эти... чудаки?Рыжиков потянулся сладко, зевнул.По закону, где полагается, там и сидят... больше бабы. Они ничего... так себе... а есть и злые.Ваня под самым стогом, наклонившись, устраивал для себя гнездышко.– А я пойду в колонию.– Ну, иди... ложись уже!– И буду там жить. У нас на станции сторож такой... так он умер, а тот, Мишкой его зовут, так он тоже в колонии Первое мая. И он писал письмо.– Первое мая. – Рыжиков разгреб солому, помял ее ногами, растянулся. – Ложись лучше!– Я ложусь.Ваня замолчал и долго думал о чем-то. Потом улегся уютнее. На небе горели звезды, соломенные пряди по ним казались черными, большими конструкциями».

– Да Советской же власти!

– А кто это?

– Вот дурень: кому это, да кто? Советская власть и есть. Тот, кто начальник. Ему с ворами беспокойство, а лучше, чтобы все работали. Загнали на работу, и сиди там.

– А если бы все были воры, так тогда как? Тогда Советской власти не нужно?

– Отстань, ты, завел: власти, власти!

– Тогда один вор у другого украл бы, а потом тот у того, а потом еще третий, правда? Все покрали бы, и ничего не осталось бы. Правда?

– Ложись уже.

– Я ложусь.

Ваня под самым стогом, наклонившись, устраивал для себя гнездышко.

– А если все воры, так кто будет булки печь? А кто будет тогда ботинки чистить? Тоже воры, да? А они не захотят. Они скажут: пускай кто-нибудь булок напечет, а мы только красть будем. Правда?

Рыжиков заорал на Ваню:

– Спи! Пристал, как смола!

Ваня замолчал и долго думал о чем-то. Потом улегся уютнее. На небе горели звезды. Соломенные пряди казались черными, большими конструкциями. Уже засыпая, Ваня сказал вслух:

– Пойду к этому... к Первому мая.

* * *

Проснулся Ваня рано, но день уже наступил. Солнце вставало за стогом, Ваня лежал в тени, ему стало холодно. Он вскочил, подымая за собой солому¹⁰³, приставшую к нему, и посмотрел на город. Город сейчас был другой. Кое-где горели ненужные уже фонари, и ярко светился тот самый фонарь возле переезда. Ваня засмотрелся на него, он казался уставшим, было его жалко: он, бедный, всю ночь светил.

Город был сейчас интереснее и сложнее, но уже не был таким красивым. Впрочем, это не имело особенного значения. Все-таки там было много домов и крыш, а дальше стояло высокое белое здание с колоннами. Вот где настоящий город, и нужно пойти туда посмотреть. Ваня заработает денег и пойдет... нет, поедет на трамвае. И, наверное, в городе есть кинотеатр. А сегодня он пойдет¹⁰⁴ на «свою» улицу. Ваня вспомнил вчерашнего молодого человека, который так обрадовался, что завелся чистильщик на этой улице. Наверное, там сейчас много народу хочет почистить ботинки. Хорошо, что есть лишняя коробка черной мази. Ване захотелось хорошенько рассмотреть эту коробку. Он наклонился к ящику, но ящика не было. Ногой Ваня откинул солому. Оглянулся. Только сейчас он заметил, что и Рыжикова тоже нет. Ваня обошел стог, вернулся на прежнее место и сказал растерянно:

– Украл... ящик...

Скучно посмотрел на город, еще раз оглянулся, прошептал:

– И мазь... И щетки...

Он прислонился к стogu, задумался. Вдруг вспомнил, полез в карман, пошарил в нем, вывернул:

– И десять рублей украл.

Ваня сделал несколько шагов в сторону дороги. Но остановился. Собственно говоря, в город идти было нечего. Ваня возвратился к стogu.

---

¹⁰³ В оригинале «много соломинок».

¹⁰⁴ Редакторская правка «надо идти».

Он потянул к себе одну соломинку. Соломинка оказалась длинной и красивой, на ее конце был пустой, дрожащий колосок. Ваня провел пальцами по колоску. Между пальцами упала и разбрызгалась одна слеза.

9

Козлы

Целый месяц прошел после этих происшествий. В это время весенние дни успели вырасти и возмужать, они нарядились в богатые платья из зелени и цветов.

Рано утром милиционер, человек молодой, подтянутый и добросовестный, разбудил Игоря в приемнике и сказал ему:

– Трогаем, товарищ! Ты потом выспишься, в колонии, а мне до девяти нужно назад вернуться.

Игорю Чернявину не нравилось в приемнике: народ здесь был случайный, кормили плохо, было скучно.

Игорь быстро натянул на плечи свой пиджак, под которым уже имелась рубаша. Хотя это была короткая и бязевая рубаша, но Игорь умел ее желтоватый воротник кокетливо разбрасывать над воротником пиджака.

Дворники сухими метлами подметали улицы, но пыль еще не успела проснуться и неохотно взлетала над тротуарами. Утро стояло над городом ясное, прозрачное, здоровое. Игорю было приятно в такое утро идти «в новую жизнь».

Впрочем, Игорь не очень интересовался новой жизнью. Это у Полины Николаевны, в Комиссии по делам несовершеннолетних, за каждым словом: новая жизнь, новая жизнь! Игорь любил вообще жизнь, а какая там она, новая или старая, он не привык разбирать. Он никогда не задумывался ни над завтрашним днем, ни над вчерашним. Но сегодняшний день всегда привлекал его внимание, как еще не раскрытая страница, и ему нравилось не спеша перевертывать ее и любопытным глазом присматриваться к новым¹⁰⁵ рассказам. *Эту вечно новую жизнь он приветствовал улыбкой своего большого рта и веселым ироническим взглядом.* Сегодня это тем более было приятно, что в течение всего минувшего месяца ему пришлось переворачивать очень однообразные страницы, и он начал даже привыкать к этому однообразию.

В Комиссии по делам несовершеннолетних он и раньше бывал, и в этот раз не встретил там ничего существенно нового. Давно ему известная Полина Николаевна, женщина маленькая, остроносая, казавшаяся очень умной и доброй, *как и раньше*, с грустной вежливостью расспрашивала его о родителях, об учебе и вообще о том, как он дошел до такой жизни. Расспрашивая, она уже не заглядывала, как в прошлом году, в большой лист с заглавием: «Порядок опроса», но задавала все те же вопросы, что и в прошлом году. Игорь отвечал ей тоже вежливо. Он понимал, что Полина Николаевна честно обслуживает таких, как он, получает за это небольшое жалованье, что ей будет приятно, хотя изредка, поговорить с приличным человеком. Игорь Чернявин любил доставлять людям радость, поэтому и с Полиной Николаевной он разговаривал в джентельменском тоне, тем более что это было вовсе не трудно. Полина Николаевна постукивала тупым концом карандаша по столу и спрашивала:

– Ваш отец профессор?

– Да.

– В Ленинграде?

– Да.

– Почему вы не хотите к нему возвратиться?

---

¹⁰⁵ В оригинале «новеньким».

– Мне не нравится его характер. Он – грубый, черствый, он изменяет моей маме, я с ним жить не могу.

– Вы с ним часто ссорились, крупно говорили?

– Нет. Я с ним не желаю разговаривать.

– Вы могли бы мать пожалеть, Игорь.

– Мне очень жаль, но мать не хочет от него уйти.

– Вы, Игорь, такой культурный мальчик, до каких же пор вы будете заниматься этими... приключениями?

– Полина Николаевна! Иначе не выходит. Уже два раза меня силой возвращают к отцу. Я все равно жить у него не буду.

– А если мы вас не отправим к отцу?

– Я надеюсь, что это будет очень хорошо.

– Вы бросите ваши фокусы?

– Я надеюсь.

– Почему вы надеетесь?

– А вот вы со мной поговорили.

Полина Николаевна посмотрела на него с благодарностью:

– Поможет ли вам это... мои разговоры?

– Я думаю, что ваши разговоры хорошо помогут.

– Что мне с вами делать, Игорь? Неужели только с вами одним и говорить? И другие ведь есть!

Полина Николаевна показывала карандашиком на дверь, за которой, в узком коридоре, другие мальчики ожидали своей очереди. На бледном остреньком личике Полины Николаевны, в беленьком узком кружевном воротничке, даже в ловком, юрком карандашике, которым она действовала, – во всем чувствовалось искреннее сожаление, что не может она взять Игоря за руку и повести по трудной дороге жизни. И Игорь понимал и сочувствовал: ей нужно заняться и другими сбившимися с пути объектами. Вероятно, это сочувствие довольно сильно выражалось на лице Игоря, потому что Полина Николаевна страдательно опустила глаза, и ее карандашик застучал по столу несколько нервно.

К ним подошел человек в белом халате. У него была беспорядочная шевелюра, начинавшаяся чрезвычайно низко, почти от самых бровей. Глазные яблоки этого человека были очень велики, они были покрыты мелкими красными жилками и почти целиком выкатывались наружу. Казалось, что этот человек в чистом белом халате везет что-то очень тяжелое и везти ему трудно. Полина Николаевна сказала устало:

– Вы, Чернявин, идите в кабинет. Товарищ должен произвести некоторые исследования относительно ваших трудовых предрасположений...

Игорь Чернявин *при прошлых посещениях комиссий*¹⁰⁶ уже подвергался подобным исследованиям, только тогда в белом халате был какой-то другой человек. Игорь покорно поднялся со стула, и ближайший отрезок жизненного пути (он так и не разобрал, нового или еще старого) он прошел за человеком в халате. Идти было недалеко. В небольшой комнате, обставленной белой крашеной мебелью, Игоря усадили на стул, а человек в халате сказал другому человеку в халате:

– Лабиринт Партеуса!

По спине у Игоря пробежали неприятные холодные иголки, он *почти* притих за белым столом и *даже* начал думать о том, что, действительно, надо начать более спокойную жизнь. Но когда перед его глазами на столе расположился широкий картон с какими-то клетками и

---

¹⁰⁶ Редакторская правка «раньше».

ходами, Игорь оживился. *Он посмотрел на людей в белых халатах, и ему захотелось подробнее узнать, что это за люди и какая им цена.*

Лупоглазый оперся руками на стог и сказал сухим, немного дрожащим голосом:

– Вы находитесь в центре этого лабиринта, понимаете? Вам нужно из него выйти. Вот вам карандаш, покажите, как вы будете выходить.

Игорь еще раз оглянулся на этих людей, но в общем не протестовал. Он взял карандаш и с улыбкой наклонился над лабиринтом. Повел карандаш к выходу, но скоро очутился в тупике и остановился. За большим окном что-то начало сильно хлопать. Игорь посмотрел и увидел девушку на балконе. Она тонкой палочкой колотила по развешанному на веревке ковру. Игорь снова подумал, что нужно все-таки... черт его знает. В этот момент лупоглазый вытащил картон у него из-под руки, а на место его положил другой. Это был тоже лабиринт. В одном его углу был изображен козел, вкушающий какие-то запрещенные плоды, а в другом углу – девушка с прутиком в руке. Было у нее что-то общее с той девушкой, которая работала на балконе. Игорь улыбнулся, глянул на балкон, потом сообразил: пока девушка доберется до козла, пройдет очень много времени и козел успеет полакомиться как следует. Игорь поднял лицо к человеку в халате¹⁰⁷:

– *Как это у них неудобно устроено!*

– *У кого «у них»?*

– Да вот... *у этих*. Зачем такие дворы? *Для козлов* тут раздолье!

– Если вы будете оглядываться, вы ничего не сделаете.

Игорь сосредоточился над картоном. У козла был¹⁰⁸ очень добродушный вид. Игорю не захотелось его прогонять.

– А знаете что, *синьоры*? Пускай себе пасется!

– Как это так? – вскрикнул лупоглазый.

– Я думаю, что вреда будет немного. Какие-то кустики.

– Представьте себе, что там малинник.

– Не думаю. Вы напрасно беспокоитесь, *синьоры*.

– Почему вы так разговариваете? – человек в халате с силой дернул картон.

– С флейтой будем исследовать? – спросил другой.

Старший ответил сухо:

– Нет.

Он пошел к умывальнику, а потом долго вытирал каждый палец отдельно. *Игорь улыбнулся во всю ширь, спросил с вежливой иронией:*

– *Собственно говоря... вы только этим и занимаетесь?*

– *Чем «только этим»?*

– *А вот... козлами.*

– *У нас не только козлы.*

– *А еще что?*

Но лупоглазый принял гордый вид и ничего не ответил. Потом он вышел в дверь и уже из коридора пригласил:

– Идемте.

У столика Полины Николаевны он устало опустил на стул:

– Как? – спросила Полина Николаевна.

– Слабо. Очень слабо. *Отношение к работе рассеянное*, результаты нулевые. Рассеян, безынициативен, воображение отсутствует.

---

¹⁰⁷ Далее редакторская правка: «– Неудобное устройство! – Что неудобное?»

¹⁰⁸ В оригинале «Козел имел».

– Что вы говорите? У него инициативу нужно уменьшить вдвое, а вы говорите: безынициативен! Прочтите.

Она протянула довольно толстую папку. Человек в халате поднес ее к самым глазам и стал быстро вертеть головой вправо и влево, бегая по строчкам.

– Это ничего не значит, Полина Николаевна. Мы не знаем, инициатива это или подражание. Такие штуки, – он потряс папкой в руках, – вообще ничего не доказывают.

– А я вам говорю, что вы ошибаетесь. Я вас очень прошу посмотреть еще раз. Вы увидите, что вы ошибаетесь.

Лупоглазый поднялся со стула обиженный и двинулся к дверям своей комнаты.

– Хорошо!

– Что же вы сидите? – сказала Полина Николаевна Игорю.

Игорь посмотрел вслед белому халату и, когда закрылась за ним дверь, спросил доверительно:

– А для чего это *нужно*, Полина Николаевна?

Она подняла на него глаза:

– Значит, нужно.

– Я не понимаю, для чего.

– Это исследование ваших способностей.

– А для чего им мои способности?

– Идите, Игорь, не спорьте.

– *Да там козлы, Полина Николаевна! Вот вы нас судите, таких, как я, под арестом держите. А я получил на почте пустяк, – сто рублей. А эти синьоры сколько получают?*

– *Идите, Игорь, перестаньте глупить.*

Игорь снова вошел в комнату, *посмотрел с презрением на людей в халатах*, молча стал у стены. Пока люди в халатах перебирали какие-то папки, ящики, карты, у него в душе скопилась густая обида. Кто-то сильной рукой подчеркнул в ней одиночество, череду последних скудных дней, брошенного на товарных путях симпатичного Ваню, отошедшие в вечность светлые дни детства, и мать, и старые обиды: вздорный, неверный, сумасбродный отец и другие люди, и жестокие и холодные. *А сегодня опять эти два типа пристали к нему с козлами.*

На столе стояла длинная коробка с отделениями. Старший предложил:

– Садитесь.

– *Послушайте, милорды! Это, конечно, у вас здорово придумано! Прямо... настоящий блат. А только вы мне ответьте на один вопрос. Такой вопрос: верит вам кто-нибудь или никто не верит?*

– *Старший взмахнул рукой и закричал что-то...*

Обо всем этом вспомнил Игорь Чернявин, шагая рядом с милиционером по просторным, освещенным утром тротуарам. Нет, истекший месяц был печальным месяцем. Это было скучное и глупое время. Полина Николаевна убеждала его начать новую жизнь, люди в халатах раскладывали перед ним разные картоны. Особенно стало скучно после того, как Игорь примирился со своей участью и научился выходить из всех лабиринтов, научился продевать веревку через дырочки флейты. Все эти занятия он сначала сопровождал насмешкой над самим собой, над козлами, над человеками в халатах, а потом он все упражнения проделывал с угрюмой технической серьезностью. От скуки, сделав небольшое усилие, он даже сумел понравиться людям в халатах и помогал им исследовать других ребят. Только записывать и высчитывать он не научился. Его наставники не посвящали никого в свои тайны и прятали их значение за непонятными словами: «тесты»¹⁰⁹, «корреляция»¹¹⁰.

---

¹⁰⁹ В оригинале «ранги».

¹¹⁰ Корреляция – взаимосвязь. По утверждению педологов, между различными психологическими функциями ребенка

Все-таки в кабинете было занятнее *проводить время*, чем в приемнике. Игорь не любил беспризорную, шумную и ржавую толпу, дешевое ее остроумие и низкую культуру. В кабинете же он говорил новичку с высокомерием жреца:

– Вот, синьор, пока шука не поймает эту жалкую рыбешку, вы отсюда не выйдете!

– Видите: куда мяч закатился? Доставьте его к волейбольной сетке. Перекинуть нельзя. Несите в руках. Через забор перелезть? Забудьте эти ваши уличные привычки.

Он стоял за плечом новичка и холодным взглядом наблюдал неудачные попытки исследуемого субъекта. Субъект разочарованно тянул:

– Если так играть, никогда не выиграешь.

– Вы, мистер, и не должны выиграть. Выигрываем в таком случае только мы.

Досадно только было, что в сравнении с хозяевами кабинета он выигрывал до смешного мало: бесплатный бутерброд во время завтрака. По сравнению с таким заработком предприятие на почте было все же выгоднее, оно было и гораздо проще оборудовано, чем кабинет.

Сейчас Игорь с внутренним смущением вспоминал о своих легкомысленно-позорных действиях в кабинете, на которые его подвинуло дикое невезение с деньгами бабушки. Но... страницы этого прошлого были перевернуты. Сегодняшний день быстро бежал навстречу: сначала промелькнули хорошо знакомые улицы центра, потом пошли и новые места, узкая, грязная набережная, запруженная подводами базарная площадь, потом широкая, щедро накрытая небом Хорошиловка. Домики на Хорошиловке маленькие, между ними цветут сады, мимо домиков бегают трамвай, бегают хлопотливо, быстро, весело. Но вот и Хорошиловка кончилась, мостовая пошла среди молодой зелени, а трамвай побежал по шпалам, как будто это не трамвай, а поезд. И зеленые полосы, и шоссе, и трамвай – все направляются к дубовой рощице. К этой рощице пришли милиционер и Игорь. В сторону ведет просека, в просеке тоже мостовая, а через нее сетчатая с золотыми буквами вывеска:

«Колония имени Первого мая»

10

Первые впечатления

Через просеку милиционер и Игорь прошли быстро. Милиционер был доволен, что заканчивает свою командировку. И Игорь был доволен: впереди была «новая жизнь».

Сквозь просеку были видны крыши, да и сама просека скоро вышла в поле – настоящее пахучее поле с рожью, с цветами на межах. За полем по всему горизонту пошел лес, а к лесу прислонилась колония.

На одном из зданий, на высоких флагштоках – два узких флага. Флаги какие-то особенные, узкие и длинные, такие флаги видел Игорь когда-то давно на изображениях сказочных дворцов.

Он спросил у милиционера:

– Они там живут?

Милиционер удивился: *разумеется, они там живут, если путники подходят к этим зданиям:*

– Само собою там, а где же им жить?

– Флаги у них какие... Скажите, пожалуйста!

– Да, флаги, это верно! Да у них все такое... чудное! А народ здесь хороший, крепко живут!

Игорь повел плечами, засунул руки в карманы и все не мог отвести взгляда от двух узких, гуляющих на ветре флагов. Флаги были на флагштоках, а флагштоки стояли на двух башенках, венчающих здание.

– У них башни, как будто крепость!

– Такое просто здание, – ответил милиционер, – никакого сравнения с крепостью не может быть.

Игорь не стал спорить. А все-таки две башни напоминали крепость, в этом заключалось и что-то приятное и что-то сомнительное, во всяком случае, в расчеты Игоря не входило жить в крепости. Но когда подошли ближе, Игорь и сам увидел, что никакой крепости нет, а стоит, действительно, просто здание, широкое, двухэтажное, серое; построено здание красиво, блестят на его стенах искорки, выступающие вперед «фонари» поднимаются *вверху*¹¹¹ башнями, на башнях всё полощутся флаги.

Милиционер и Игорь шли по мостовой уже мимо здания, но оно отделялось от них широкой полосой цветников. Игорь давно не видел такого обилия цветов. Между цветами проходили яркие золотые дорожки, на одной из них поближе к Игорю шли две девушки, настоящие девушки, черт возьми, хорошенькие и нарядные. Одна из них, с вздернутым носиком, с веселыми живыми глазами, взглянула на Игоря и сказала подруге – черноглазой и смуглой:

– Новенький! Посмотри какой, в пиджаке!

Игорь чуть-чуть покраснел и отвернулся. Собственно говоря, что ж тут такого, в пиджаке!

Они повернули на поперечную дорожку к выходным дверям.

На тротуаре мимо дверей гуляет народ: и постарше, и пацаны, и девушки. У некоторых юношей¹¹² начинает темнеть верхняя губа... Одеты все разнообразно, но видно, костюмы для работы: кое-где пропитаны маслом. Пацаны в трусиках, босиком. Девушки, как всегда, наряднее.

– Солидный народ, – как будто про себя сказал Игорь. Улыбнулся милиционеру, но милиционер не заметил улыбки.

В открытых настежь дверях здания стоял пацан лет тринадцати, лобастый и серьезный; среди этой спокойной, оживленной толпы он выделялся странно официальной внешностью: ботинки, суконные полугалифе, гамаши, темно-синяя гимнастерка заправлена в штаны, талия стянута узким черным поясом с пряжкой. На одном рукаве золотой вензель, широкий белый воротник ослепительно чист, хотя чуточку примят. В руках настоящая винтовка со штыком, пацан держит ее обеими руками за конец дула.

Игорь засмотрелся на эту фигуру, но развлекали его и другие впечатления. *В толпе намечалось движение, – все устремились куда-то за угол здания. Походка у всех деловая, но на лицах совершенно свободная игра. Удивило Игоря то, что здесь не заметно суетливости, лишнего визга. Правда два пацана стремглав вылетели из дверей и помчались по дорожке. Тот, который бежал сзади, закричал:*

– Васька! Васька! Постой! Ключи у меня!

Ключи были у них, значит, побежали что-то отпирать.

Игорю удалось поймать и другие слова, но они касались событий неясных, хотя, без сомнения, и драматических.

– А Алексей вызвал его и говорит: найди!

– О!

– Говорит: найди! А не найдешь – разберем на общем собрании!

– Ой-ой-ой!

---

¹¹¹ Редакторская правка «над крышей».

¹¹² В оригинале «парнишек».

Удивило Игоря еще одно обстоятельство. Идя сюда, он испытывал неприятное чувство ожидания: все на него набросятся, закидают вопросами, взглядами, шутками, а тут еще и милиционер: подробность особенная. А теперь было даже обидно: сколько народу, а у всех такой вид, как будто никакого Игоря под стражей и не существует на свете. Но в то же время нельзя было сомневаться: появление фигуры Игоря между цветников всеми отмечено, и все поставили своего рода нотабене на его фигуре, и, кажется, нотабене ироническое. Игорь подумал: «Вредный народ!» – но немедленно получил и более активные знаки внимания. По дорожке мимо него проходил черноглазый мальчик в трусиках, посвистывал, поглядывал по сторонам – видно было, что шел по какому-то определенному, нужному ему направлению, – на Игоря еще издали бросил легкий взгляд, и снова куда-то отвлекся, и, тем не менее, проходя мимо Игоря, сказал:

– Дядя! А где ваш галстук?

Игорь *сразу* не разобрал, что это обращаются именно к нему, и огляделся. Но тут же он догадался, что по характеру костюма проблема галстука могла возникнуть только с его, Игоря, появлением, ибо к костюмам местных жителей добавления галстука, безусловно, не требовалось. Но когда Игорь все это сообразил и бросился догонять взглядом черноглазого мальчика, то уже не мог отличить его среди других мальчиков.

Как раз в этот момент из здания вышел, тоже босоногий и тоже в трусиках, пацан лет двенадцати, хорошенький, румяный, чуть-чуть важный. Как-то особенно играючи и уверенно ступали его ноги, большие темные глаза по-хозяйски оглядывали все. Он стал на краю единственной ступени, поднял длинную, блестящую серебряным блеском трубу, быстро облизал губы и, *крепко охватив ими мундштук*, подняв *вверх* раструб трубы, заиграл. Это был сигнал, короткий, отрывистый, а в конце украшенный шутливо-разливчатым хвостиком. Пацан проиграл его только один раз, опустил трубу, улыбающимися глазами посмотрел на мальчиков поближе и вдруг, сорвавшись со ступеньки, побежал. На углу здания остановился и снова проиграл тот же сигнал. *Движение куда-то за угол, уже замеченное Игорем, стало стремительным*. Игорь не утерпел, спросил первого попавшегося:

– Что это он играл?

– Кто играл? Бегунок? А это на работу...

Через полминуты из дверей только одиночки торопливо выбегали и устремлялись следом за всеми. Остался *только* пацан с винтовкой, и к нему обратился милиционер.

– Куда здесь? Вот привел...

Тот серьезно оглянулся на вопрос, но, видно, ничего не нашел подходящего и сказал:

– Сейчас!

Бегунок со своей трубой не спеша возвращался к дверям.

– Володька, позови дежурного бригадира.

Володька Бегунок сразу догадался, для чего нужен дежурный бригадир. Повернув голову, он прищурился на Игоря и, проходя в двери, почти пропел:

– Е-есть... Позове-ем...

Он ушел в здание, пацан с винтовкой *один остался при входе* и теперь составлял единственную мишень для Игоря Чернявина. Игорь сказал улыбаясь:

– А если я пройду... вот, без спросу? Что же ты, будешь стрелять? Часовой опустил глаза, но ответил басом:

– Стрелять не буду, а прикладом по башке получишь.

После этих слов он покраснел и недовольно отвернулся. Игорь рассмеялся, прицепился к часовому удивленным взглядом:

– Ух ты?

Часовой посмотрел на Игоря исподлобья, вдруг улыбнулся, но что-то почуял справа, в прохладном полумраке вестибюля, вытянулся, винтовка моментально оказалась у его плеча.

На ступеньку вышел юноша лет шестнадцати. Он одет был в такой же костюм, как и часовой, только на левом рукаве у него была красная повязка. Игорь догадался, что это дежурный бригадир, да и часовой показал на Игоря:

– Воленко! Привели...

У Воленко тонкое лицо, очень интеллигентное и бледное. Особенно строгое выражение имеет рот Воленко: у него *нежные* подвижные губы, от которых, кажется, всегда можно ожидать слова осуждения.

Воленко подошел к милиционеру, мельком¹¹³ глянул на Игоря:

– У вас есть бумага?

Милиционер раскрыл книжку:

– Есть тут бумажонка. Вот здесь распишитесь.

Воленко расписался и возвратил книжку милиционеру:

– Все?

– Все как будто...

Игорь подал милиционеру руку, улыбнулся:

– Надеюсь, больше не увидимся?

Милиционер ответил с тонкой улыбкой:

– А кто его знает? – козырнул Воленко и отправился в обратный путь.

Воленко, до сих пор наблюдавший процедуру прощания, сказал Игорю:

– Пойдем.

Он рукой показал на вход в здание. Чуть-чуть покраснев от такой вежливости, Игорь заторопился, и еще больше покраснел, когда часовой вытянулся, пропуская мимо себя дежурного бригадира.

11

Беседы культурных людей

Игорь Чернявин вошел в вестибюль и попятился *назад*. Молнией блеснула у него мысль, что случилось недоразумение: он сюда попал по ошибке. Растерянно оглянулся он на Воленко, потом снова глянул вперед. Перед ним был марш широкой лестницы, покрытой бархатной малиновой дорожкой. В конце марша – просторная площадка, дубовые двери, на них золотом на стекле написано:

Театр

А рядом с дверями в театр огромное квадратное зеркало, оно отражает следующий марш лестницы, и еще площадку, и еще зеркало, а самое главное – оно отражает бесконечную и щедрую ленту ярко-красных цветов, уставленных по всему барьеру в особых, длинных ящиках.

– Вытри ноги, – сказал Воленко и показал на большую темную¹¹⁴ тряпку, лежащую на кафельном полу.

Игорь посмотрел на свои ботинки. Никакой грязи на них не было:

– У меня чистые.

Подошел часовой с винтовкой.

– Они у тебя не чистые, а совсем грязные. Вытирай, когда тебе говорят.

Игорь пробормотал¹¹⁵:

– Черт его знает...

---

¹¹³ В оригинале «строго».

¹¹⁴ В оригинале «прямоугольную».

¹¹⁵ В оригинале «прошептал».

Все-таки он зашаркал подошвами по темной тряпке, и только теперь понял, что тряпка потому и кажется темной, что она влажная.

– Теперь здесь, – часовой показал на трехстороннюю щетку и внимательно и строго нахмурил лицо, пока Игорь исполнял его приказание. Воленко терпеливо ожидал, стоя на третьей, верхней, ступеньке, ведущей в более высокую часть вестибюля. Игорю стало интересно:

– Синьоры, у вас все такие серьезные¹¹⁶?

У Воленко чуть-чуть вздрогнул уголок строгого рта, *он переступил стройными ногами*, завертел вокруг пальца шнурок с ключиком на конце.

Игорь, обчищая ботинки в щетках, разглядывал часового. У того из-под тюбетейки выбежал на выпуклый лоб небольшой чубчик и закручивался крутой спиралью.

– Сколько же тебе лет?

Часовой пошевелил губами, сдержал улыбку, еще строже глянул на ноги Игоря:

– Это не твое дело, вытирай себе!

Игорь иронически дернул плечом.

– Идем, идем, – сказал Воленко.

Он двинулся влево по коридору. Вправо коридора не было, а на такой же дубовой двери таким же нарядным золотом было написано:

Столовая

Дверь эта открылась, из столовой выглянула девочка лет четырнадцати в белом халате, *звонко* спросила:

– Воленко, ты ведь еще не завтракал?

– Нет, *нет*, ты мне оставь, Лена. И вот... новенькому.

– А как же, – ответила девочка и спряталась за дверь.

С одной стороны коридора были большие окна, а с другой несколько дверей и между ними в больших рамах не то стенгазеты, не то что-то другое. В конце коридора тоже дверь, и на ней тоже надпись:

Тихий клуб

Но они вошли не в эту дверь. Последняя дверь слева:

Совет бригадиров

Воленко именно эту дверь открыл и взглядом пригласил Игоря войти. Игорь переступил порог. Солнечное сияние в двух огромных окнах ослепило его. Он прищурился, но сразу отметил особенности этой комнаты: в ней у всех четырех стен проходил неширокий диван, мягкий, но узкий. *Диван нигде не имел конца*, а в углах комнаты он заворачивал по кривой. В правом углу на диване сидел Володя Бегунок, на голом колене держал свою трубу, натирал ее суконным обрезком. Бегунок быстро глянул на Игоря, но сказал в другой угол:

– Когда же мази купят? Говорили, говорили, аж надоело! Это бесхозяйственность, правда, Витя?

В другом углу дивана стоял маленький письменный столик, и за ним сидел тот, кого Бегунок называл Витей. Витя поднялся за своим столиком и ответил:

– Сейчас денег мало.

– Сколько там нужно денег? Тридцать копеек. – Володя с большей силой начал натирать свою трубу и на Игоря больше не посмотрел. Очевидно, для Володи Бегунка Игорь представлял сейчас явление малозанимательное и особенно в сравнении с вопросом о мази. Но тот, кого называли Витей, заинтересовался Игорем, вышел из-за своего столика и подошел вплотную к Игорю. Он был тоже в трусиках и в парусиновой рубашке. И у него трусики были стянуты

---

¹¹⁶ В оригинале «строгие».

узким черным пояском. Но Витя был уже не малыш. Ему было не меньше шестнадцати лет, это был человек серьезный и бывалый, – опытный взгляд Игоря это сразу почувствовал.

У Вити быстрый, острый, сдержанно-насмешливый взгляд¹¹⁷. Он взял из рук Воленко большой пакет и бросил его на стол:

– Из комиссии?

– Из комиссии.

Игорь вежливо ему поклонился. Витя ответил *ему* таким же вежливым поклоном, но в этом поклоне просвечивало¹¹⁸ очень тонкое передразнивание. Бегунок громко засмеялся, завалившись на диван и задирая *вверх* босые ноги. Игорь *доверчиво, с улыбкой*, оглядел всех. Витя присел к столику, взял в руки конверт, прочитал то, что было на нем написано:

– Игорь Чернявин? Много про тебя понаписывали...

Но в конверт не заглянул, снова подошел к Игорю. Последнему захотелось как можно скорее отделаться от разных вопросов:

– Написано там много, а дело пустое. Маленькая неправильность при получении денег.

Витя сказал ему в глаза, улыбаясь одними ресницами:

– Вот что, друг. Какая там у тебя неправильность, это никому не интересно. Понимаешь, не интересно. А вот другой вопрос: будешь бежать или останешься?

Бегунок поднял лицо, медленно улыбнулся. Игорь¹¹⁹ *оглянулся на обстановку, словно она решала вопрос, оставаться ему или бежать*. Бежать ему не хотелось, но нельзя было и сдаваться так легко. Он ответил:

– Там видно будет.

– Это верно, – сказал Витя весело. – Ну, идем к Алексею Степановичу.

Только теперь Игорь увидел, что в одном месте диван прерывался узкой дверью, и на ней тоже надпись:

Заведующий колонией

Эту дверь Витя распахнул, и Игорь неожиданно для себя очутился в кабинете. За ним прошли Витя и Воленко, а за ними и Бегунок, бросив свою трубу на диван, прошмыгнул в кабинет; прошмыгнул ловко, во всяком случае. Игорь увидел его уже возле письменного стола. Володя поставил локти на стол, на ладошках пристроил голову и *выжидаяще* глядел на заведующего.

Заведующий сидел за письменным столом и перелистывал книгу. В этом человеке не было ничего особенного: подстриженные усы, стеклышки пенсне, под машинку стриженная голова. Он поднял на Игоря глаза, и глаза у него были обыкновенные: серые, чуть-чуть холодные.

– Вот, Алексей Степанович, новичок, – Витя показал рукой на Игоря.

Игорь вежливо поклонился, и Володя Бегунок не смог удержать улыбки, да уж так и оставил улыбку надолго. По всему было видно: Алексей Степанович заметил улыбку Володи и знал ее причину, но сделал такой вид, как будто он ничего не заметил.

– Как тебя зовут?

– Игорь Чернявин.

– Ты учился в школе?

– Да. Окончил семь классов.

– Почему так мало?

Алексей Степанович с недовольным видом откинулся к спинке кресла. Его глаза холодно, осуждающе смотрели на Игоря. Но Игорь всегда был убежден, что его образование превышает

---

¹¹⁷ В оригинале «Витя обладал быстрым, острым, сдержанно насмешливым взглядом».

¹¹⁸ В оригинале «заключалось».

¹¹⁹ Далее редакторская правка «огляделся».

среднюю необходимость в жизни, и поэтому ему показалось сейчас, что заведующий шутит. Игорь оживленно удивился и даже руками дернул вперед:

- Мало? Семь классов – это мало?
- А ты разве не знаешь? Есть восьмые группы, девятые, десятые.
- Конечно, есть, так это не для всех.

Алексей Степанович не обратил внимания на ответ Игоря. Он начал перелистывать книгу, помолчал, протянул скучновато:

- Та-ак... Днепрострой, что это такое?
- Как?
- Днепрострой... ты знаешь, что такое Днепрострой?
- Днепрострой? Это... это станция.
- Какая станция?
- Станция... мост и... там станция.

Бегунок восторженно пискнул в ладошки, которыми прикрыл рот...

- Виноват... там, кажется, нет моста.

Игорь видел, с каким трудом Бегунок прикрывает ладонями губы, чтобы не засмеяться. На лице Воленко не было улыбки, но еле заметно вздрагивала нижняя губа.

Алексей Степанович кивнул головой над книгой:

– Стыдно! Просто стыдно! Культурный человек! Окончил семь классов – говорит такие глупости. Надо себя больше уважать, товарищ Чернявин.

- Я забыл, товарищ заведующий...
- Что забыл?
- Забыл... вот... Днепрострой.
- Днепрострой – такая вещь, о которой нельзя забывать. Понимаешь, нельзя! А кроме того... ты сказал... старшие классы не для всех. Это тоже... не блещет остроумием.
- Я в том смысле сказал...
- Смысла мало. Такое количество смысла меня не устраивает. Мало смысла, понимаешь?

Алексей Степанович глянул Игорю в глаза, и Игорь увидел, что у заведующего нет ничего холодного, ничего скучноватого: у него было живое, требовательное лицо. Игорь ответил:

- Да, понимаю, товарищ заведующий.
- Ага! Это уже лучше. Это гораздо умнее сказано. Теперь еще один вопрос: ты хороший товарищ?

Глаза Алексея Степановича смотрели сейчас иронически, как будто в его вопросе был нескрываемый подвох. И поэтому Игорь переспросил:

- Хороший ли я товарищ?
- Да. Хороший товарищ или... так себе?

Этот вопрос, в сущности, был для Игоря легким вопросом, он ответил уверенно и охотно:

- Да, я могу сказать: товарищ я неплохой.

Алексей Степанович улыбнулся вдруг просто и дружески, и в его улыбке было что-то такое задорное, почти мальчишеское, только у детей так свободно, беззастенчиво открываются губы, у них не остается никаких узких щелей и углов.

– Молодец! Нет, знаешь, ты далеко не глупый человек, это очень приятно. Ну... хорошо. Ты познакомишься с нами ближе. Витя, у нас где место?

- Есть место в восьмой бригаде.
- Хорошо. Будешь в восьмой бригаде. Бригадир Нестеренко – человек основательный.

Ты немного зубоскал, правда?

- Игорь чуть-чуть покраснел.
- Немножко.

– Это ничего, а то в восьмой бригаде много серьезных. Отдохни, а там и за дело. Бежать не будешь?

Почему-то Игорь не захотелось сказать «там будет видно», но он помнил свой ответ *Вите* и посмотрел *на него*. Свободно, просто и уверенно Витя ответил за Игоря, чуть-чуть улыбаясь одними глазами:

– Нет, Алексей Степанович, он бежать не собирается.

– Добре. Значит... Воленко, действуй.

Воленко вытянулся.

– Есть!

12

Полное недоверие

Все вышли из кабинета, кроме Володи Бегунка. Володя снял локти со стола:

– Алексей Степанович!

– Ну?

– До зарезу нужно тридцать копеек на мазь.

– Тридцать копеек? Хорошо, я скажу завхозу.

Все в Володе оставалось в положении «смирно», только шея вытянулась и в глазах появилось обиженно-убедительное, страстное выражение.

– Да он не купит! Честное слово, он не купит... Он будет говорить...

– Ладно. Вот тебе тридцать копеек на мазь, а это двадцать на трамвай.

– Сейчас можно?

– Можно... до четырех часов.

Очень радостно, громко, с молниеносным салютом Бегунок сказал:

– Есть, Алексей Степанович!

Он выскочил из комнаты, потом приоткрыл дверь, просунул голову.

– Спасибо!

По коридору мимо часового Володя пролетел с предельно скоростью, но и пришлось с такой же скоростью возвратиться, чтобы спросить у часового:

– Куда дежурный пошел? Воленко?

Часовой, опираясь на свою винтовку, нахмурил брови:

– Воленко? А он туда пошел, с этим чудаком... туда.

Часовой показал направление.

Володя побежал догонять. По плиточному тротуару он повернул за угол и выбежал на широкий двор, обставленный хозяйственными постройками. В самом центре двора он увидел Воленко и Чернявина, направляющихся к кладовой. Володя, запыхавшись, обогнул их и пошатнулся, останавливаясь перед дежурным:

– Товарищ дежурный бригадир! Товарищ Захаров разрешил в город до четырех.

Воленко удивился:

– В этом костюме?

– Нет, не в этом. Я только говорю. А я надену парадный. Я сейчас надену.

Воленко отправился дальше:

– Ты переоденься и приди показаться.

У Бегунка на этот раз даже руки вышли из положения «смирно».

– Так, Воленко! Я же не какой-нибудь новенький. Другие дежурные всегда отпускают и то... доверяют. Я хорошо оденусь.

– Я посмотрю.

Володя несколько увял, опустил плечи, неохотно и сумрачно сказал «есть» и уступил дорогу. *Игорь Чернявин смотрел на дежурного с уважением.*

Через пятнадцать минут, когда Воленко вел Игоря в баню, Володя стал перед дежурным:
– Товарищ дежурный бригадир! Я могу идти?

Воленко уже занес ногу на ступеньку, но оглянулся, внимательно осмотрел Володю, тронул его пояс, бросил взгляд на ботинки, поправил белый воротник. Румяное личико Бегунка над белым воротником сияло совершенно неизъяснимой красотой. Большие карие глаза ходили по следам взглядов дежурного и постепенно меняли выражение, переходя от смущенного опасения к победоносной гордости. Тюбетейки Воленко не тронул, но сказал возмущенно:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.